

Николь Галанина

12+

Хрустальный мальчик

Николь Галанина

Хрустальный мальчик

«Автор»

2020

Галанина Н.

Хрустальный мальчик / Н. Галанина — «Автор», 2020

Эта история восходит к древним легендам об общении и дружбе мира людей и мира духов, которые незримо и неслышимо обитают в полях, лесах, ручьях, не тронутых человеческим вмешательством. Маленькая Анна знакомится с лесным духом, который некогда был таким же, как она, человеком. Между ними завязывается дружба. Они немало узнают друг о друге и духовно растут. Им приходится столкнуться с множеством древних запретов и правил. Самое главное правило - дружба духа и человека никогда не приносит духу счастья. А люди, повстречавшиеся с духами, кончают жизнь самоубийством или сходят с ума.

© Галанина Н., 2020

© Автор, 2020

Есть сказки, переходящие из уст в уста, сказки настолько древние, что никто и понятия не имеет, кто их автор и есть ли он, этот автор, вообще? Такие сказки женщины рассказывают на ночь своим беспокойным детям; такие сказки помогают школярам выучиться читать; такие сказки пробираются в глубину сердца, уютно там сворачиваются, свивают пушистые тёплые кольца и греют, не выдавая своего присутствия, долгими годами напролёт.

Есть сказки авторские. Они вышли из-под пера какого-нибудь сказочника и, как те, предыдущие, безмянные, могут навеки запечатлеться в душе – если только сказочник знал своё дело, конечно. Эти сказки не так широко распространены; кое-где они и вовсе считаются народными, ведь все сюжеты нашей прекрасной в своей сложной простоте жизни переплетаются и встречаются то тут, то там. Поэтому и говорят, что невозможно украсть идею. Идеи нисходят свыше, а где они обитают и рождаются на самом деле – по сей день загадка.

И, наконец, есть такие сказки, которые знает лишь малый круг людей. Эти сказки рождаются на устах одного человека и с ним же умирают, если тот, кто услышал, своё знание не передаёт. Бывает, что сказка переходит и дальше, дальше, каждый новый пересказчик увешивает её новыми деталями, поправляет, додумывает, и так рождается сказка народная и умирает сказка авторская – ни его имени, ни, тем более, фамилии уже никто не потрудится вспомнить, ведь он – лишь первый среди многих.

Но бывает, что сказка умирает, не получив шанса быть рассказанной. Тот, кто испытал её, в чьём сознании она была выношена, никому не поверяет свою историю. Она гнездится в его сердце, точно так же греет и помогает, как помогают миллионам сказки народные, и испускает свой последний вздох вместе с сочинителем... но только не хозяином. У сказок, как и у идей, не бывает господ. Они сами решают, кого им озарить своим светом, и бывает порой, что ошибаются, выбирая своим носителем человека очень молчаливого. Сказка желает, чтобы её рассказали, – в этом её предназначение.

И, как человек, не нашедший смысла жизни, сказка, не нашедшая слушателя, становится подавленной и застенчивой. И ей приходит конец.

Конечно, это очень грустно.

Но ведь всё, что имеет начало, должно и заканчиваться, верно?

Таким образом смыкается священный, сложный, удивительный, непонятный и уже много раз рассмотренный под всевозможными углами жизненный круг.

Зимние тропинки

Мороз стоял уже третий день. Ветви, густо облепленные снегом, трещали от холода, и белое покрывало на земле было жёстким, как скользкая плита из белого мрамора. Животные прятались, отсиживались в тёплых норках, людские жилища усиленно пытели дымоходами, выбрасывая в небо толстые баранки чёрного дыма. Тишина и спокойствие, вполне обыкновенные для маленького, совсем-совсем крошечного затерянного городка, накрывали улицы и баюкали их. Жёлтый свет редких фонарей дрожащими полосами и неровными кругами ложился на тротуары, снег налипал на ветровые стёкла припаркованных автомобилей, у которых замёрзли замки. Под карнизами гнездились толстые сосульки, что заледенели ещё давно, после неожиданно закончившейся оттепели; в окнах библиотеки не горел свет, и гордая снежная баба на центральной площади одиноко смотрела в серое небо.

По пустынной улице брела, переваливаясь с ноги на ногу, маленькая черноволосая девочка. Она пыхла тяжело и усердно, кончик её носа-пуговицы был алым, ресницы слипались, ноги, закованные в тёплые сапоги, еле двигались. Она зябко дёргала руками в огромных толстых варежках, но упрямо не отпускала тонкой верёвочки, на которой волокла за собой большие синие санки. В санках сидел плюшевый медведь, и ему, казалось, прогулка была совсем не по нутру.

Девочка пыталась посвистывать, вытягивая в трубочку потрескавшиеся бледные губы, как пингвин, переваливалась с ноги на ногу и двигалась к самому концу пустынной улочки.

Городок с севера примыкал к лесочку, и именно туда сейчас держала путь маленькая девочка. Она проковыляла вдоль завешанных, замороженных, расписанных колючими узорами окошек последнего дома на узкой улочке, пнула зачем-то остатки снежной бабы и гордо ввалилась в лесочек. Пар густыми белыми клубами, похожими на бороду волшебника, валил у неё изо рта. Она ломилась, не разбирая дороги, вперёд, ломала жёсткое белое покрывало и своими гигантскими сапожками зачерпывала всё больше комковатого снега. Капризный мороз требовательно трещал над её головой в тысячи невидимых трещоток, ветер завывал на разные голоса и в разные трубы и флейты; тоненькие лапки почти невесомых животных, изредка выскакивающих из норок, почти не оставляли следов, только шумели, когда касались застывшего снега. Девочка пыхла, тащила за собой санки с грустным плюшевым мишкой и не оглядывалась назад.

Она прошла много – наверное, больше, чем следовало ожидать от ребёнка: за её спиной совсем исчез, спрятался за бесчисленными бело-коричневыми палками деревьев маленький сонный городок. Девочка ломала хрупкие ветви кустарника и шмыгала распухшим носом, на красных щеках её блестели и застывали полупрозрачные дорожки, но всё-таки она шагала и шагала, покуда, завидев поблизости большое раскидистое дерево, не упала прямо под ним.

Дерево было могучее – такое грех не признать великаном. Его кряжистые толстые корни уходили глубоко под промёрзшую землю и даже выползали частью из-под неё: закованные в снеговую броню, они казались волшебными рукавицами. Толстый ствол был изрезан глубокими морщинами, как лоб старого мыслителя, и в морщины на дереве набился зеленоватый мох. Даже несколько мужчин, возмись они за руки, наверное, не смогли бы измерить в ширину это могучее дерево. Девочка задрала вверх голову и распахнула рот с обветренными искусанными губами. Тремя, а, может, четырьмя головами выше неё в стволе дерева виднелось глубокое, тёмное, с окаймлёнными мхом краями, дупло. Дупло было таким же несуразно огромным, как и сам ствол: наверное, туда без труда сумел бы забраться даже откормленный медвежонок. Девочка попыталась присвистнуть, но мороз иссушил ей губы и дыхание; она сумела лишь впечатлённо охнуть.

Дерево тянулось и выше, оно, казалось, прорастало в самый низкий, серый небесный свод. Его бесчисленные толстые сучья распадались на более мелкие, ветвились, сплетались друг с другом, делились бело-синим остроугольным крошевом снега и взметались ввысь, и казалось, будто бы старинное дерево разбрасывает над головой девочки прочную сетку. Сквозь сплетения, тонущие в сером воздухе, то тут, то там падали порой слабые, бледно-жёлтые лучи света и выхватывали то кромку снежного одеяния, то глубокую морщинку, то острый край почки, что замёрзла во сне, то закругление осеннего черенка от листа (сам лист, конечно, ещё давно, осенью, опал и сгнил). Под сплетением сучьев, ветвей и веточек было гораздо теплее, чем вне него: девочка сразу это заметила, как только изо рта её перестал вырываться пар, словно из трубы паровоза перед отправлением с вокзала. Девочка выпустила из неуклюжей варежки тонкую ниточку санок, медленными, неуклюжими шагами подошла к дереву и приложила ладонь к стволу. Даже сквозь наслоения ткани чувствовала она все извилины морщин, и мягкость мха, казалось, добиралась до кожи и щекотала её, как щекочет мочалка в ванной.

Девочка медленно выдохнула и вдруг подалась к дереву ближе. Обеими руками она попыталась охватить толстого колосса, прильнула к нему щекой и закрыла глаза. Слипшиеся ресницы заблестели, стоило пристать к ним снежному крошеву. Прозрачный воздух дрожал кругом неё.

– Эй, – сказал воздух и задрожал усерднее, – эй, ты кто ещё такая?

Девочка вздрогнула. Она отпустила дерево и отшатнулась. Одна варежка слетела с её руки, да только укуса холода она не почувствовала.

Напротив неё стоял мальчик. Самый настоящий мальчик, старше нее, наверное, только парой годов старше неё. Но выглядел он уж слишком странно: без куртки, без шапки, без перчаток, только в шерстяных брюках и длинном зелёном свитере со слишком высокой горлови-

ной. На ногах у него были сапоги – не менее странные нежели их владелец. Широкие, с огромными голенищами. Такие старожилы этого местечка носили, когда были еще совсем молодыми и любили ухаживать за девчонками.

– Ты кто? – сощурился мальчик.

У него были белоснежные – не седые, а именно белоснежные, как покрывало, окутывающее верхние древесные веточки, – растрёпанные волосы, длинные белые же ресницы и серые, полупрозрачные, как тонкий лёд на весеннем озере, большие глаза. Мальчик был так бледен, словно он ни разу прежде не выходил на улицу, да и стоял он странно: одну ногу всё время держал за другой и не наступал на неё, словно ему это было неприятно.

– А ты кто такой? – девочка решительно подбоченилась и упёрла в бока неуклюжие раздутые руки. – Чего спрашиваешь? Ты вообще откуда взялся?

– Я здесь всегда сижу, – угрюмо отрезал мальчик, и серебристые глаза его сощурились, – это моё место! А ты пришла, всю природу здесь растревожила! Как мне теперь тут сидеть, когда белки волнуются, зайцы топают и даже совы проснулись?

Девочка осмотрелась. Лес звенел промёрзшей тишиной.

– Дурак или как? – хмыкнула она. – Тихо!

– Ты просто не слышишь ничего, – мальчик опустил глаза. Усталое выражение появилось на его бледном лице. – И не видишь. Обычная слепая и глухая девочка.

– Сам ты и слепой, и глухой! – возмутилась она. На лбу её появились морщинки, она вобрала полную грудь воздуха и вдруг выкрикнула: – Ты ещё и вообще мальчик! Не может быть ничего хуже, чем родиться мальчишкой!

– Или такой глупой девчонкой, как ты! – усмехнулся он, и его серые глаза блеснули задорно и издевательски.

Он вдруг вытянул руку, растопырил бледные пальцы, и в его ладонь прыгнула с хрустящей толстой ветки серовато-рыжая белка. Она ласково что-то проверещала, суетливо зацепилась маленькими лапками за его большой палец, побежала по руке вверх, вспрыгнула на плечо, а потом – на голову, взлохматила мальчику волосы – и в едином прыжке слилась с серостью зимнего утра.

Девочка всё не могла закрыть рта.

Усмешка тронула бледно-розовые губы мальчишки, когда он повернулся к ней и фыркнул:

– Вот так-то.

– Как ты это сделал? – она вдруг шагнула вперёд, проламывая снег и проваливаясь в него, и прижала к груди руки, словно в молитве.

– У тебя не получится, – он безапелляционно сложил на груди руки.

– Почему это?

– Потому что нужно быть глупым мальчишкой, чтобы делать такие вещи.

Девочка стащила с руки толстую варежку и швырнула её на землю – прямо в развороченный рассыпчатый снег, что завихрениями улёгся около её санок. Медведь, сидящий в них, горестно завалился набок: если бы игрушки могли чувствовать, разумеется, он счёл бы себя покинутым.

– Всё это ерунда, хватит меня обманывать! – решительно отрезала девочка и, достигнув незнакомца в последнем летящем шаге, вдруг бессильно повисла у него на груди. – Скажи... как ты это делаешь? Научи меня тоже! Хочешь... хочешь, я тебе свои варежки подарю? И шапку? Они... они совсем-совсем новые! Я тебе даже санки отдам! – на её щеках выступало всё больше краски. – Только давай без медведя, ладно? Медведь мой, мне его тётя подарила, когда я в первый класс пошла... Ну пожалуйста... пожалуйста-препожалуйста!

Лицо мальчишки исказила утомлённая гримаса.

– Да говорю же тебе, не получится! – воскликнул он и взмахнул рукой, отталкивая девочку в сторону. – Отцепись ты уже от меня!

– Ну пожалуйста! Тебе, что, жалко, что ли? Или ты сам не знаешь, как это у тебя выходит?

Он опустил прозрачный серебряный взгляд на белую снежную землю. Слабый ветер играл с тонкими листьями великолепного старого дерева.

– Да не в этом вовсе дело, – вздохнул мальчик, – ну просто у тебя не получится, ты... ты не такая, как мы.

– Что ещё за «мы»? – подозрительно вскинулись брови девочки. – Есть ещё кто-то? Если ты такой жадина, я у него попрошу учиться, а тебе... а тебе – вот что! – и она решительно высунула язык.

– Стой, дура! – мальчик ухватил её за руку и притянул к себе, не успела она отойти хотя бы на четыре шага. – Вот уж к другим тебе точно не надо – в клочки они тебя порвут, ты и слова не пикнешь!

– В клочки... – в глазах девочки поселилось беспокойство.

– Как есть порвут, – решительно кивнул мальчик. С бледного лица его исчезли всякие намёки на насмешку. – Я-то с ними с самого детства, я один из них, считай, вот они меня и не трогают. Но ко всякому, кто к ним неподпоясанным приблизится, они вмиг подступятся, если донимать станешь! Это духи леса, они всем-всем здесь заправляют. В каждой травинке, в каждом дереве, в каждой зверюшке они есть, и, бывает, не один дух сидит, а несколько. Вот ты слышала, наверное, тут в лесу речка течёт? Она совсем рядом с этим дубом, трёх минут не пройдёшь – ты уже на берегу. У речки целых три хозяина. В устье сидит господин Не-кривирожу, толстый такой дядька, людям он обычно бараном или жирным стариком показывается. Срединным течением дядя Белобок заправляет – этот вообще на глаза смертным выходить не любит; ему бы тишину дали да рыбы поменьше у него отнимали, он б век счастлив был. А там, где река в озеро впадает, встречаются господин Остронос и господин Лежебока, но они не в этом лесу живут, и я о них только краем уха слышал.

Девочка поражённо смотрела на него выпученными стеклянными глазами.

– А ты тогда кто такой? – спросила она и медленно взмахнула ресницами.

– Говорю же, дух, – и мальчик уверенно стукнул себя кулаком свободной руки в грудь, – дух-хранитель этого дерева. Я, правда, пока только учусь, мне за корнями доверяют смотреть. А зовут меня Землерой.

– Пф, – фыркнула девочка, – вот уж глупое имя! Дурачить он меня вздумал: духов навывдумывал, Землероев всяких! А ты докажи, что ты дух, тогда и буду тебя звать так, как хочешь! А пока ты для меня – глупый мальчик, понятно?

Землерой пожал плечами.

– Ну, раз надо тебе доказать, раз не можешь ты без доказательств – пожалуйста!

И девочка вскрикнула – завизжала, вернее, – когда один толстый корень за другим стал вырываться из-под слоёв земли и снега, разрывая их, словно крот. Корни взмётывались и опирались о промёрзшую почву, отчего казалось, будто бы само дерево пытается подняться на бесчисленное количество маленьких ножек. Девочка отцепилась, наконец, от руки Землероя и зашаталась. Она утратила равновесие и, дрожа, закрыла руками голову: один корень навис над ней прямо над головой.

– Эй, – послышался негромкий голос Землероя, – ты чего, дура? Я же не со зла, ты сама попросила...

И тут один из корней медленно, торжественно опустился на её голову, опустился невесомо, как ласточка – в гнездо, и погладил по волосам. Она даже прекратила всхлипывать от неожиданности и подавилась собственной слюной. Один толстый, скрученный, толстый корень за другим возвращался в почву, и земля и снег ровно укладывались на прежнее место, не остав-

ляя никаких следов былого разрушения. Только один корешок – тонкий, но длинный и гибкий, как хлыст погонщика, гладил её по голове и касался замёрзшей, красной щеки.

– Ладно... – девочка шмыгнула носом и вдруг до побеления костяшек вцепилась в длинный гибкий корешок, – ладно, Землерой, ты и вправду волшебник!

Мальчик нахмурился.

– Не зови меня волшебником, – сказал он, – я не волшебник, я дух. Это разные вещи!

– Ладно, – покладисто произнесла она, – значит, дух, Землерой. Приятно познакомиться!

Он присел рядом, и его рука, не укрытая перчаткой, но почему-то тёплая, потрепала её по взлохмаченным тёмным волосам.

– Ну а ты-то сама кто будешь? – непосредственно осведомился он.

Девочка снова шмыгнула носом и слотнула слюну, застрявшую комком в горле.

– А я – Анна, – важно представилась она и погрозила духу пальцем. – Без всяких сокращений, понял, Землерой? Я – Анна, Анна и только!

– Будь по-твоему, – ласково засмеялся дух. – Как ты сюда вообще забрела?

– Гулять ходила, – буркнула Анна и заёрзала по снегу, – чтобы маму с папой и братьями не видеть. Они у себя там всё время чего-то бурчат, ругаются, дверьми хлопают... не уживаются с бабушкой, а мне это всё слушать надоело. Совсем как маленькие себя ведут!

– Да ты сама мелкая, – хмыкнул Землерой.

– Уж кто бы говорил! – возмутилась Анна и резво вскочила на ноги. Пальцем совсем не замёрзшей правой руки она упёрлась точно в центр его груди и слегка толкнула. – Сам чуть выше меня, да и старше, наверное...

– Ты духов с людьми не сравнивай! – вздёрнул нос Землерой. – Духи и люди – это разные вещи! Вот тебе лет сорок, да?

– Самому тебе сорок! – вспыхнула Анна. – Девять мне, девять! В сорок лет уже замужем сидят, старые и никому не нужные!

– А вот мне пятьдесят, – гордо сказал Землерой, – и для духов леса я по-прежнему мальчишка. Понимаешь, для меня пятьдесят – что для тебя... ну, те же девять. И я много всего об этом лесе знаю, да и вообще знаю больше, чем ты.

– Такой из себя учёный, а считать по-нашему не умеешь, – проворчала Анна. – Ты, наверное, из лесу ни разу за свои пятьдесят лет-то и не вышел.

Серебристые глаза погрузнели. Землерой опустил на землю и подтянул к груди колени.

– Тут такое дело, – сказал он, – я ведь дух леса. Нельзя мне отсюда никуда выходить. Я к лесу привязан. Если выйду я отсюда, тут же умру.

– Умрёшь? – ахнула Анна и неловко плюхнулась рядом.

– Угу, – согласился Землерой. – Облачком стану и смешаюсь с ветром. Мне так старшие духи рассказывали, а они врать не станут. Нас в лесу и без того мало осталось, совсем за порядком некому следить.

Анна придвинулась ближе и опустила голову.

– Совсем-совсем нельзя выходить? – тихо и печально спросила она.

– Да, – покачал головой Землерой. – Так что... я тебе свой клубочек дам, чтобы ты могла из лесу спокойно выбраться. А если захочешь вернуться, то он тебе, опять же, дорогу подскажет. Ты не бойся ничего, главное, Анна, иди себе да иди. Мой клубочек тебе ни сбиться с пути не позволит, ни другим духам тебя в обиду не даст.

– А ведь можно будет вернуться, правда? – прошептала она. – Ну... когда-нибудь?

Глаза Землероя озорно блеснули.

– А когда ты вернуться собираешься?

– Думаю, что летом, – тихо сказала Анна. – У нас каникулы длинные только в июне и начнутся. Через пару дней уже домой надо собираться.

Землерой взял её за руку и мягким движением вложил ей в ладонь тёплый шерстяной клубок. Толстые, мохнатые алые нити приятно покусывали её кожу.

– Ну, тогда бери его и ступай, – негромко сказал он. – Этот клубок тебе нас позабыть не позволит.

– А я и без клубка тебя забыть не смогу! – горячо прошептала Анна и, схватив клубок обеими руками, опрометью кинулась прочь – только рассыпчатая снежная крошка взметнулась у неё за спиной.

Клубочек

Люди, с точки зрения природы, ещё те шеголи. Они меняют платье не реже раза в неделю, а отъявленные модники, бывает, и суток не проводят в одинаковом наряде. Они любят подражать животным, отбирая у них мех и прочную кожу, прячут слабые ноги в крепкую обувь, укрывают чувствительные уши шапками, когда наступают холода, но даже в самый морозный день не смеют позабыть о том, как важно для них показаться во всей красе другому человеку, а уж мужчина это или женщина – не особенно важно.

Природа – не хвастунья. У неё всего четыре платья: тяжёлое белое, в которое она облачается глухими звенящими зимами, когда день куда короче волглой морозной ночи; рыже-вато-коричневый осенний плащ, в котором она снуёт под бесконечными дождями; буйно-зелёный с вкраплениями розового, фиолетового, синего, нежно-салатового и многих-многих других цветов она носит весной, а короткую и свободную изумрудную, с солнечными брызгами и полосами на ней можно увидеть летом.

Когда маленькая Анна вернулась к дедушке домой, природа торжественно носила свой летний наряд. Трепетал лёгкий, слабый ветерок, покачивались и шуршали в медленном танце широкие листья. Их прожилки стали толще и темнее, с трудом теперь удавалось вычленивать их взглядом из ровной пластины. Птицы и звери угомонились: брачный сезон для многих кончился, и теперь они смиренно воспитывали новое поколение молодняка. Дожди лили не так часто, поэтому дедушка Анны больше не ходил по грибы каждое раннее рассветное утро, когда сизая линия горизонта едва обливалась прозрачным розоватым сиянием и синюю кромку облаков прошивали шафранные лучи. Земля высыхала и становилась твёрдой, глухо отзывающейся на перестук человеческих шагов. Дедушка Анны много времени сейчас проводил на реке за ловлей рыбы.

– Ну пожалуйста-препожалуйста! – отчаянно висла Анна у него на руке. – Ну препожалуйста-распожалуйста, дедусечка, миленький, ну чего тебе стоит меня разок взять с собой на рыбалку?

– Шуметь будешь, – глухо отвечивал дедушка. Его широкое лицо было бронзовато-коричневым и без загара, и его, как скалу, которая с трудом выстаивает под ударами морского шторма, покрыли извилистые, как лесные дорожки, морщинки: одна – глубокая, а другая – еле-еле заметная и обнаруживаемая лишь прямым ударом солнечного луча. – Всю рыбу мне распугаешь, а рыбалка – оно дело тонкое.

– Да оно понятно, что тонкое, дедушка! – радостно прочирикала Анна и забежала с другого бока.

Свободной левой рукой дедушка Анны забрасывал на своё мощное широкое плечо большую чёрную котомку. Все рыбаки в сонном городке, что, скорее, больше походило на деревню, давно ходили на рыбалку с рюкзаками, но дедушка Анны был человек старой закалки – человек упорный и не способный выслушивать критику.

– Мой отец с котомкой ходил, – любил говаривать он, загибая сильные, коричневатые, грубые пальцы, – мой дед с котомкой ходил, да его дед наверняка тоже. Далась мне эти ваши новые рюкзаки!

Анна знала, какого складу её дедушка, и поэтому очень упорно висла на его крепких коричневато-бронзовых руках, когда он мягко, но уверенно отстранял её и поправлял широкие ремни у себя на плечах.

– А я тихо буду сидеть! – пообещала она и уверенно затрясла головой. – Пожалуйста! Пожалуйста-препожалуйста! Ну давай ты меня на рыбалку возьмишь, а я тебе про хозяев реки расскажу?

– Что ещё за хозяева, – забурчал дед в воротник, – откуда ты этого нахваталась?

– Друг рассказал! – с готовностью выпалила Анна и опять надавила на старческую руку. – Дедушка, честно-честно, словечка не скажу, а если скажу, ты у меня все конфеты, все сладости до конца каникул отберёшь и новых дарить не будешь! И всем это делать запретишь, а я выпрашивать не стану, честно!

Дед приостановился, усталыми, но пронизательными блекло-серыми глазами посмотрел на Анну. Та висела у него на согнутой в локте руке, кончики её тапочек чиркали по полу.

Дед смягчился. Анна медленно вернулась на пол, всей стопой ощутила гладкость старых скрипучих досок.

– Ладно, – проворчал дед, – так тому и быть, уговорила! Но если хоть одну рыбёшку, хоть малька какого, ты мне воплями спугнёшь...

– Без сладостей останусь, – закивала Анна, усиленно давя на губах улыбку.

Предвкушая будущее путешествие, странник собирается быстро. Пятнадцати минут не прошло, как дедушка Анны с своей рыбацкой котомкой, в высоких чёрных сапогах и при двух удочках разного размера и сама Анна: в голубой длинной юбчонке, таких же огромных неуклюжих сапогах, при сачке и голубой же шляпке – вышли из дома и громко, задорно хлопнули дверью.

Анна с дедушкой жили на отшибе, на окраине города, да только не на той его окраине, которая к лесу примыкала. Своей широкой и плавной улочкой они аккуратно перерастали в ничейную, хотя и застроенную покинутого вида домиками, территорию, и эта территория уже сливалась с соседним городом, о котором говаривали, что жить там интереснее, потому что в самом центре его выстроено в новом стиле огромное, светящееся окнами и бешеным светом электрических ламп, здание, которое называется кинотеатр. Дедушка и Анна долго шагали через весь город, двигаясь к своей цели. Проходили мимо лотков с лакомым мороженым и открытых дверей школ, библиотек и захудалого музейчика. Им подмигивали знакомые и знающие их прохожие, махали руками старушки и дети, весело присвистывали мужчины, которые, сгрудившись у какого-нибудь уголка со скамейкой и свалив на эту скамейку всю свою тяжёлую кладь, на пятерых или шестерых человек раскуривали одну сигарету. Шагали они через ухоженный, мёртво-прилизанный, парк, в котором не пели птицы, потому что не вили там своих гнёзд. Миновали они и блестящий на солнце гранитный памятник, к которому не возлагали цветов, потому что только старожилы и помнили, какой такой персоне и за какие заслуги он посвящается, да и то – очень смутно. Анна и дедушка шагали долго и шагали молча: сначала Анна пыталась напевать, посвистывать и с дедушкой заговаривала, но потом он купил Анне большой шоколадный рожок мороженого, которое так быстро таяло на жарком солнце, что у Анны не осталось времени для разговоров. Дедушка был какой-то смурной: насупился, ушёл в себя да так и не вышел, пока вместо глухого асфальта, шуршащего щебня и мёртвой мостовой под его сапогом не отозвалась живым звоном настоящая лесная почва.

Дедушка Анны бодро втянул носом свежий воздух. Было ещё очень рано: карманные часы его с механическими стрелками не показали восемь; и, хотя аловато-розовое марево зари на небе давно растаяло, серая сонная дымка не исчезла. Она окутывала кроны деревьев в свадебную фату, закрывала мордочки деловитых, суетливых лесных жителей и заботливо согревала вулканчики муравейников, которые извергались из-под земли в самых неожиданных местах. Дедушка Анны уверенно шёл по сухой крепкой тропке, и короткой палкой с острым

концом то и дело нырял в заросли буйной травы: то слева, то справа. Анна не успевала даже раскрывать глаза пошире: дедушка сбивал грибы, как сбивают мишени в тире, стряхивал их в лукошко, висевшее на сгибе правой руки, радостно хмыкал и лишь ускорял шаг.

Анна уже не шагала, а бежала, с трудом хватала ртом воздух, но не жаловалась, а, напротив, улыбалась. Улыбка радостно цвела у неё на губах. Шляпка с синими полями свалилась у неё с головы, но ленточки, завязанные бантом под подбородком, удерживали шляпу за спиной. Воздух набивался в соломенные сплетения, завывал между ними довольным и бодрым голосом, а Анна выстукивала плоскими подошвами ботинок разудалый ритм по лесной почве и подпрыгивала, глядя в широкую, неумолимо прямую спину дедушки и его упрямые расправленные плечи.

Всё дальше и дальше заходили они, всё выше и выше вставало солнце и всё увереннее и увереннее снимало, сдирало оно остатки сонной вуали с лесных прогалин. То тут, то там Анне на глаза попадались солнечные зайчики, проказливо танцующие на мшистых стволах; тонкие золотистые нити играли в прятки друг с другом между листьями и стеблями, и Анна пыталась поймать их, но её ладони лишь звучно били по пустоте.

Дедушка уверенно спускался по мягкому полуголому пригорку. Он больше не размахивал острой палкой: лукошко через его руку уже было полным до краёв, и солнце весело, как-то по-детски бодро сияло на них: на шляпках, на ножках, на пластинках под шляпкой, мягких, сохранивших прохладный дух леса. Дедушка тоже сдвинул с головы свою шляпу: они шагали в тени, – и шляпа его болталась у него на спине, поддерживаемая двумя грубыми тесёмками, продетыми сквозь кривые дырки в полях.

– Послушай-ка, – вдруг заговорил он трубным хриловатым голосом, низким и звучным, – что ты там про хозяев реки сказывала?

– А, – Анна перебрасывала из одной руки в другую пушистый алый клубочек, – ты про нашу речку-то? Ну, я про неё вот чего слыхала: у речки есть целых три хозяина-духа, и у всего в лесу есть свои хозяева-духи, у каждой травинки, у каждого деревца, у каждой зверюшки, и бывает, что хозяин даже не один. Срединным течением тут дядя Белобок заправляет – этот вообще на глаза смертным выходить не любит; ему бы тишину дали да рыбы поменьше у него отнимали, он б век счастлив был. А там, где река в озеро впадает, встречаются господин Остронос и господин Лежебока, но они не у нас живут, и я о них совсем-совсем мало чего слыхала, – Анна горестно покачала головой и вздохнула. – Вот что мне говорили, и я даже думала: а вот каково было бы, если бы мне с ними повстречалась вживую? Наверное, я б даже и не признала, что они духи. Сказывают же: они своего истинного облика никому не показывают. И я даже думать порой начинаю: а ну как мы с тобой встретим в лесу, пока по грибы ходим, человека какого, поприветствуем и дальше пойдём, а окажется, что это был хозяин какой-нибудь полянки, а то и вовсе – целого леса, вроде как царь лесной? Мне недавно одну книжку дарили, и там рассказывалось, что у нас в стране были помещики, вроде как они огромными землями управляли, но всё равно над ними царь стоял, и вот ему повиновались все, и эти земли, помещичьи, вроде как его были.

– Умных слов нахваталась, – задумчиво сказал дедушка, и Анна увидела, как поднял он руку, чтобы почесать подбородок, – а чего эти слова значат, сама не ведаешь.

– Вот и неправда! – возмутилась Анна. – Я чего не понимаю, о том не говорю.

– Да говоришь, – вздохнул старик и разразился коротким скрежещущим смешком, – не сознаёшь того просто. Вот о хозяевах леса где-то прослышала, да всё перевираешь на свой лад.

– Я слово в слово сказала, что слышала! – вспыхнула Анна.

– Слово в лад, да смысл – мимо. Я, когда был чуть старше тебя, тоже много всякого о хозяевах леса слышал, о том, как у нас здесь всё устроено. Мне не книжки об этом сказывали, а мудрые люди, которые лес получше своих родителей помнят. Я, когда мальчишкой был, нас ещё не городом звали, а селом, и домов было меньше, и эти дурацкие высотки не закрывали

от нас небо. Жила через три дома от меня одна старуха, звали Мария, а по прозвищу она была Клюка, потому что без клюки из дома не выходила. Да что там – из дома, она по дому-то без своей палки не ходила! И вот эту старуху у нас многие побаивались. Кто был одного с нею возраста, знали, почему: они её нечистой считали, вроде как ведьмой, но не совсем то. А вот мои родители да мы, дети, боялись за компанию. Не особо страшно было слушать, что, мол, ведьма она: интересно же, наоборот! Но только Мария ни с кем об этом не разговаривала. Попробуешь к ней подкатиться, мол: «Бабушка-бабушка, а чегой-это вас все сторонятся?» – а она тут же в гнев войдёт. Если клюкой не заденет, считай, тебе повезло.

Она, конечно, нам не рассказывала, что с ней такого особого приключилось, – дедушка завёл голову назад, задумчиво и пристально глядя в небо, – да только слухи впереди неё летели. Не она нам всё поведала, а сестра её: в крепкой ссоре они лет пятьдесят были! Хоть и жили обе на соседних улицах, доведись им столкнуться – они б друг другу головой не кивнули.

– И что же тебе эта бабушка рассказала? – Анна ускорила певучий шаг, нагоняя старика.

– Верь-не верь, а точь-в-точь то же, что и ты мне – сейчас, – вздохнул тот и вдруг наклонил к груди голову. – Мол, была когда-то Мария совсем молоденькая – ну, лет пятнадцати, не больше того. Лето стояло: жаркое и сухое, вот прямо как сейчас, только ещё злее солнце пекло. Мария была девчонка озорная, не сиделось ей на месте, всё тянуло туда, куда ещё ничья нога, кроме её собственной, не заступала. Забралась она так в самую глубь чащи, где могучее дерево растёт – не дерево даже, а таран, таким замковые стены, не убоясь, прошибать можно. И дерево это светилось, что ёлка в новогоднюю ночь, но только не гирлянды там горели, а крылатые фонарики, и сама трава изнутри светилась и покачивалась, словно танцевала. Мария не робкого десятка девчонка была: любой другой сдуру дал бы дёру! – а она пошла, пошла прямо к этому дереву, и дотронулась до его коры, и сама стала светиться. Не успела она понять толком, что с ней произошло, как из темноты, из ниоткуда стали появляться... люди, не люди – чёрт их разберёт, кто такие. Вроде бы они были и мужского, и женского сложения, да лица у них у всех были масками или волосами закрыты, и все, как один, без поясов и в одежде старой, какую ещё при царе носили. Вот тут-то Марии и перепугаться бы, а она, дурында, пошла себе с ними знакомиться. Так выцепила себе какого-то гармониста: с виду ладный парень, да патлатый, что девица. Вместе они к речке прошли, к самому устью, где крылатые фонарики из-под воды вылетали, и стал он ей про своё житьё-бытьё рассказывать, а она ему – про своё. Он ей клубочек подарил и гармошку свою, даже играть на ней обучил, а Мария ему волосы заплела в две косички. И ничего она не боялась, покуда, заплетая волосы, не почувствовала, что уши у него острые и вообще огромные, что у летучей мыши! Она в ужас пришла, заверещала, что оглашённая, и кинулась с той поляны прочь. Как дорогу домой нашла, она не помнит, да долго ещё лежала в траве ничком и стонала, и плакала. Всё она не родителям рассказала, а сестре, да сестра не утерпела и всему околотку разрезвонила. С тех пор все старухи местные считали, что Мария в ту ночь с нечистыми водилась, а коль сама уцелела – значит, и с нею не всё в порядке. Сторониться её начали, избегать. А Мария всё то же, что и ты, рассказывала, ты у неё словно с языка снимаешь. Ни при чём тут твои книжки, Анна. Где тогда ты всего этого слышала?

Анна честнейшими круглыми глазами глядела в вопрошающую спину деда, и из одной её ладони в другую перекатывался алый шерстяной клубок.

– Да ниоткуда, – пожала она плечами, – сама уж не припомню!

И больше она с дедом о хозяевах реки и духах не заговаривала. В молчании, налитанном стрёкотом птиц, прошагали они ещё немного, одну тропинку сменили на другую, эту вторую – на третью и так достигли нужного им места.

Серебристые воды слабо журчали, лениво перекатывались в узком русле. Ещё пятьдесят лет тому назад оно было шире: виднелись высокие отроги, которых не достигала влага, – и пятьдесят лет тому назад на одном из этих берегов (не то на левом, не то на правом) сидела со

своим рассказчиком давно покойная Мария. Дед Анны выбрал левый берег, гладкий и пологий, бросил наземь свою котомку, разложился и установил удочки. Солнце ещё и близко к зениту не подошло, но на его лбу Анна видела мелкие бисеринки пота.

– Рыбачить будешь? – деловито спросил у неё дед, и Анна беспечно ответила:

– Нет, я тут лучше рядышком поиграю!

Дед обернулся на неё и скользнул по ней всё понимающим пристальным взглядом.

– Далеко не отходи, – предостерег он. – Только чтоб близко и была, рядом, чтоб я тебя видел!

– Ага! – покивала Анна и, стоило старику отвернуться, шмыгнула в кустистые заросли.

Потные ладони её вырвали на землю толстый красный клубок, и клубок подпрыгнул, словно живое существо, и покатился промеж шуршащих, но светящихся толстых травяных стеблей в неизвестность. Толстая алая нитка светилась на коричневой твёрдой земле, змеилась и петляла, и Анна старательно шагала следом, держа промеж двух пальцев мягкий шерстяной кончик.

– Эй!

Снова знакомый оклик заставил её замереть. Она стояла, чуть испуганно приподняв голову, и между ней и запечатлевшимся в памяти неохватным стволом стоял привычный мальчик с серебристыми глазами, без пояса и с воротником, поднятым до уровня носа. Мальчишка вытянул руку, и кончики его пальцев упёрлись ей в лоб. Там, где подушечки касались её кожи, она чувствовала прохладу, странную в такой жаркий летний день.

– Говорил же, что ты слепая девчонка, – беззлобно поддразнил её Землерой. – Давно не виделись!

– Давно! – тут же отстранившись, вздёрнула нос Анна. – Я, между прочим, на три сантиметра выросла, а ты как был малявка, так и остался!

– Ври давай! – рассмеялся Землерой. – Это тебе родители специально ввали, чтобы не расстраивать такую козявочку!

Анна грозно подбоченилась.

– Это ты шмакодявка, вот тебе и нужно мерить рост, – фыркнула она, – а я, чтобы ты знал, уже взрослая девочка и сама это сделать могу.

Землерой лишь продолжал смеяться.

– Ну, тогда тем более понятно, откуда эти три сантиметра взялись: ты просто мерить не умеешь!

– Сам ты ничего не умеешь! – Анна сердито притопнула ногой. – Чтоб ты знал, я уже в четвёртый класс скоро пойду, буду учиться на одни пятёрки, как и в третьем, а тебя никто ничему не учит, и будешь ты глупее меня, бе-е, глупый, глупый мальчик!

Землерой отстранился и привалился спиной к дереву. Его полупрозрачные серебристые глаза снова стали сосредоточенными и даже немного мрачными.

– А вот это неправда, – сказал он, – нас, духов, учат другие духи, и наша наука сложнее вашей, человеческой. Тебе вот циферки подавай да буквы, а мне надо корни растить, чтобы глубже они в землю входили, но не давить, не то они ослабеют и зачахнут, а без корней всему дереву конец!

– Так это же одно дерево, – пожал плечами Анна и тут же, ойкнув, пошатнулась: Землерой отвесил ей нешуточный подзатыльник, и его серебристые глаза вспыхнули гневом. – Ты чего это руками размахался?!

– Никогда так не говори! – сжав кулаки, воскликнул он, и Анна, лежащая на тёплой земле, притихла. – Это всё равно что человеку сказать, что его дом погиб, но это так, пустячок малый! Мы в этом дереве живём, оно нас и кормит, и поит, и учит всему, и помогает. А это дерево, – Землерой коснулся тёмного ствола маленькой бледной ладонью, – это дерево так и вовсе особенное. Оно весь лес питает и держит, поэтому у меня работа сложная. Если это

дерево зачахнет и погибнет – всему лесу конец! Мы его уважаем, как бабушку старую. Именно здесь все праздники, что важными для нас считаются, мы и справляем.

– Это на которые вы маски надеваете? – некстати брякнула Анна, и серебристо-серые глаза хитровато, с тенью подозрения, прищурились.

– Да. А ты откуда узнала?

– Дед рассказал! – бойко ответствовала Анна. – Рассказывал он, как одна старушка к вам на праздник попала!

– Для человека к нам на праздники попадать – себя не любить, – негромко сказал Землерой. Притираясь спиной к шершавой коре, он медленно сполз вниз, на землю, и вдруг протянул Анне раскрытую ладонь. – Ты прости, что я тебя так... да обидела ты не меня, а лес, лес, который меня, когда я меньше тебя был, спас.

– Спас? – позабыв о словах извинения, протянула Анна.

Землерой неотрывно смотрел в небо, и его широко раскрытые серебристые глаза, казалось, были полны печали.

– Да, – тихонько ответил он, – я же не всегда духом леса был. Я себя ещё толком не помнил, когда моя мать, обычная смертная женщина, на праздник здешних духов попала. Слишком легкомысленная она была, кружилась, как листок по ветру: не работала толком, с кем водилась – не поймёшь, и от кого меня принесла, тоже сама не ведала. Вроде как не сидела в уголке одинокой, да только не было у неё ни друзей, ни подруг близких, и никто не знал, что у неё на уме, не то обязательно отговорил бы, не пришла бы она к духам на пляску. Они не со зла её закружили да завертели, так завертели, что она разума лишилась и тут же, в реку, сиганула, ну и утопилась там с концами – одна юбка на воде долго кружилась... я у устья остался, и меня духи подобрали: я ж совсем несмышлёныш был. Они б меня подкинули кому: грибнику, гуляке какому, – но я, как положили они меня у корней древесных, слился с ними и частью леса стал. Хоть духи мне и помочь старались, всё ж не вышло у них меня начисто лишиться человеческого. Грустно мне порой бывает, когда я на празднике духов сижу, но и у людей мне давно уже нет места.

Анна медленно протянула к нему руку. Его плечо было таким же тёплым и мягким, как и у любого другого человека, и никак она не могла поверить, что в мягкой прохладной тени с нею сейчас сидит не обычный мальчик, а те, кого бабки, сторонившиеся Марии, звали нечистой силой.

– Ты это брось, – посоветовал ей Землерой, – я это тебе к чему рассказываю: чтоб ты к нам на праздники не приходила... а если уж и придёшь, то только подпоясанная и с клубком моим, да чтобы от меня ни на шаг не отходила! Эта твоя бабушка ещё малой кровью отделалась, а то ведь и с ума её свести могли, и до смерти!

Анна испуганно выпучила глаза.

– Духи это не со зла, – тихо добавил Землерой, – а потому, что люди правила нарушают. Вот мы к вам в ваши праздники – ни ногой! Вредно для нас это. И ничего, не жалуемся. А люди порой такие свистопляски устраивают – ещё и у нас-то дома! – что нам удержаться очень трудно. Мы, лесные духи, весной и летом любим пошуметь да порадоваться.

– Ну а ты, – замирая от волнения, заговорила Анна, – ты, Землерой, хотел бы у нас на празднике побывать? Ну... хоть на каком-то?

– Вот ещё, – фыркнул тот, поднимаясь, – мне «каких-то» не надо: свои есть. А ты давай, беги отсюда: дед тебя сейчас искать станет. Не хочется, чтоб он про наше дерево прознал.

– Как ты...

– Трава нашептала, – пожал плечами Землерой. – Беги, беги давай, чего встала? Завтра, что ли, не придёшь?

– Приду, – Анна растерянно раскинула руки, – но...

– Беги! – кратко сказал он – и исчез. Только ветерок сдул с тонкой веточки пригоршню тоненьких листьев.

Когда Анна вернулась к реке, дед её уже складывал свою старинную котомку. Сжимая в потных руках алый клубок, она неловко вывалилась из кустов и ошалело завертела головой: в волосах запутались колючки и травинки.

– Это ты откуда такая растрёпанная? – подозрительно прищурился дед. – Небось шаталась где подальше, да?

– Вовсе нет! – искренним голосом солгала Анна и неловко спрятала потрёпанный клубок за спину.

Прятки

Снова Анна бежала по укатанным тропинкам, снова синяя юбка цеплялась за толстые травяные стебли, снова ветви кустарников и редких деревьев хлестали её по открытым рукам. На Анне было уже несколько кровавых, длинных, с присохшими краями царапин, и она насчитала на ногах четыре лиловых твёрдых синяка, но она не чувствовала ни боли, ни усталости, хотя сегодня солнце стояло ещё выше, чем вчера, и слепило ещё ожесточённее, и ещё увереннее поджаривало округу. В тени заповедного леса всегда царствовала прохлада.

Шерстяной клубок катился в ту часть леса, куда и самые отчаянные грибники и охотники редко забредали, его алая толстая нить мелькала то тут, то там, и грубые волокна радостно сверкали, бледнели и темнели там, где на них падали отвесные лучи. Анна вприпрыжку следовала за клубком, наклонялась, избегая хлёстких ударов древесных ветвей, пригибалась и, бывало, вовсе шла на корточках, гусиным шагом, и могла видеть, как между твёрдых и сухих комочков почвы снуют со своей обычной размеренностью неутомимые муравьи. Мимо неё пролетали, скрежеща крыльями, разноцветные жуки, и с высоких травяных стеблей ей подмигивали трепетные бабочки. Анна поймала одну на палец и засмеялась, остановившись. Бабочка уцепилась крошечными лапками за её палец и защекотала кожу. Вблизи она была совсем не такая прелестница, как издали: Анна видела жуткое, сплющенное мохнатое тельце, слишком длинные усики и чувствовала не радость, а какое-то брезгливое отвращение. Анна отставила руку в сторону и хотела уже подуть на палец, но тут бабочка мигнула пятнисто-жёлтыми яркими крылышками, будто подавая знак, и сама сорвалась прочь. Она весёлым пятном примешалась к колышущемуся зелёному массиву листьев и трав, и Анна потеряла её из виду.

Шерстяной алый клубок мягко, как кошка, что требует внимания, подкатился к её ногам. Анна опустила взгляд и всплеснула руками.

– Да, конечно! Как же я забыть могла? Уже иду!

Один пригорок остался за другим, и вот хоровод деревьев и кустарников разомкнулся, впуская её внутрь. Анна ввалилась на сияющую желтовато-зелёную полянку и далеко выбросила руки. Между её пальцев пролегла алая нитка клубка, а сам клубок, подпрыгнув на её голове, как резиновый мячик, весело пошуршал себе прочь – к дереву.

Летом дерево было ещё краше, чем зимой. Напитанные жизненными соками горделивые ветви высоко поднимались к небу, пронзали его бесчисленным множеством мелких веток и веточек, и каждая веточка была одета пучком больших, ровных, ярко-зелёных листьев с мелкой резной кромкой. Листья касались друг друга, и порой казалось, что они связаны неразрывно и одно перетекают в другое. Солнце и небо освещали их каждое по-своему: то желтоватым, то стеклянно-серым светом, и ветер шептал им какие-то удивительные рассказы, которые собрал во время своих бесконечных путешествий из одного края земли в другой. На низко растущем толстом суке сидела крошечная птичка и деловито чистила клювом пёрышки чуть приподнятого крыла. Солнце грело и птицу, и на её вытянутом тельце отчётливо видны были блики странноватого дрожащего сияния. Жаркий воздух молчал и словно бы дрожал в ожидании чего-то неведомого, как уже натянутая струна готовой к игре гитары; знакомое марево плотным занавесом висело перед глазами Анны.

Она протянула руку, и между её пальцев набилась горячая, сухая, зернистая тёмно-коричневая почва.

– Эй, – поднявшись, она деловито отряхнула свою юбку. – Эй? Землерой?

Пустовала яркая поляна. Ветер продолжал задорно шептаться с листьями о чём-то, что её ушам не позволено знать.

Анна медленно поднялась и огляделась. Никаких следов Землероя. Лишь птичка деловито чистила клювом свои пёрышки и ласково, чуть насмешливо подмигивала круглыми чёрными глазами-бусинками. Анна осторожно приблизилась к дереву; глубокая холодная тень легла ей на плечи, будто приглашая отдохнуть. Она обеими ладонями опёрлась о морщинистый ствол и заглянула за него. Там тень, казалось, была гуще, и ветер шумел как-то сердито и разочарованно, но там не было Землероя.

– Эй? – снова окликнула Анна. – Землерой? Землерой, покажись! Мы же уговаривались встретиться!

Сильный порыв ветра был холоден, как будто бы осень дохнула на поляну. Анна обхватила нагретые плечи руками и прижалась к мшистому, морщинистому стволу всем телом. Она неуверенно переминалась с ноги на ногу и бросала взгляд то за правое, то за левое плечо.

– Работает, что ли? – озадаченно спросила она саму себя. – Он ведь важный из себя такой... говорит, мол, много у духов разных дел. Я ведь не говорила ему, когда приду...

Анна опустила в высокую траву. Длинные мягкие стебли приятно щекотали кожу, согревали её, остуженную злым холодным дыханием ветра, как тёплые материнские пальцы.

– Землерой, – почему-то полушёпотом позвала Анна, – Землерой, миленький, ну ты, что, обиделся? Надоело со мной дружить?

И сверху на неё, вместе с новым дуновением ветра, спустился отдалённый голос Землероя:

– Вот уж нет! Я тут занят просто!

Анна тотчас вскочила на ноги и запрокинула голову. В густой древесной кроне виднелось лишь густо-зелёное сплетение самых разных листьев да коричневатые вкрапления дверей. Анна завертелась, прижимая к груди руки.

– Эй! Эй, ты где?

– Да вверху я! – в голосе послышалось удивлённое раздражение. – Не замечаешь, что ли? Я у тебя прямо над головой!

И Анна вгляделась, так напрягая зрение, что у неё в уголках глаз даже показались слёзы. Она приподнялась на цыпочки, одной рукой опёрлась о морщинистый кряжистый ствол, а другую приставила козырьком ко лбу. Высоко-высоко, выше, чем мог подпрыгнуть даже самый хороший смертный прыгун, висело перевёрнутое бледное лицо, и кругом этого лица топорщились потрёпанные снежно-белые волосы.

– Землерой! – подпрыгнула Анна.

– А то кто же? – самодовольно хмыкнул тот. – Чего встала? Залезай ко мне, поскорее!

Анна с сомнением отступила, и рука её соскользнула с древесного ствола.

– Не могу, – тихо пробормотала она. – Тут высоко. Мне страшно?

– Да чего бояться? – упорствовал Землерой. – Ты обувь снимай, одежду свою придержи-вай и иди себе спокойно! Если я не захочу, чтобы ты упала, с тобой ничего не случится!

Анна подозрительно сощурилась.

– А ну как ты захочешь? – спросила она.

– Не захочу, – и Землерой протянул ей руку, хоть и глупо это было: как он сумел бы до неё дотянуться? Даже если бы на его месте сидел взрослый мужчина, и то не удалось бы ему схватиться за кончики пальцев Анны. – Давай, не будь уже глупой девочкой и полезай. Неужто в прятки сыграть со мной ни разу не хотела?

Анна беспокойно завертелась, сжимая в пальцах края своей прекрасной синей юбки.

– Ну так... на дереве же...

– Везде играть можно, – настаивал Землерой и всё тянул к ней руку. – Смотри, сама не пойдёшь, всё равно заставлю!

И Анна тотчас послушно скинула башмаки. Тёплая рассыпчатая земля приятно поскрипывала у неё под босыми ногами, и мелкие муравейчики походя щекотали нежную кожу, и даже трава, казалось, ласково свивалась в кольца кругом её пальцев и щиколоток.

– Тут слишком высоко! – взвела Анна и повисла на корявом толстом сучке. – Мне в жизни не взлезть!

Землерой только склонился ниже и щёлкнул пальцами. Анна вскрикнула, когда из лёгких её вышел весь воздух: одна толстая ветка, как огромная змея, спустилась к ней, обхватила за талию и оторвала от горячей почвы. Ветка была морщинистая, как и ствол, и её обрамляли, как волосы, длинные пучки широких красивых листьев, мясистых и крепких. Она не была с Анной груба – она мягко подняла, обвила и подняла, а потом босые ноги Анны приятно зашекотала жёсткая кора, покрытая длинными извилинами. Кольцо ветви разжалось, и Анна неловко взмахнула руками – больших трудов ей стоило удержаться! Сук под нею щипал кожу, он был слишком грубым и слишком скользким. Ветер раздул её синюю юбку, высоко взметнув подол.

– А теперь не бойся! – подначивал её Землерой и махал руками, как будто подавал сигналы. – Давай, шагай вперёд и хватайся!

Анна двинулась к следующей ветви, обхватила её руками и повисла на ней, беспомощно болтая босыми ногами. Та самая шероховатая змея оказалась внизу, подтолкнула её – и Анна переползла выше. Землерой стоял под самой вершиной, заинтересованно притоптывая, и подгонял её:

– Давай, давай, быстрее!

Анна перевалилась на новую ветку, подпрыгнула, царапнула вдоль извилин короткими ногтями. Она оступалась, визжала, выпускала синий-синий подол и пошатывалась, но ветки хватали её, поддерживали, переправляли всё выше, выше и выше, где свет солнца лился не переставая, и где с протянутой рукой её ждал растрёпанный, не подпоясанный Землерой. Анна неловко бросилась к нему, споткнулась и вложила свою ладонь в его. Кожа у Землероя была прохладная и мягкая, и на ощупь он ничем не отличался от десятков молоденьких листьев, смело проклёвывающихся из почек на этом могучем древнем городе. Землерой подтащил её к себе ближе и лукаво сверкнул глазами.

– Ну и чего ты боялась?

– Ничего, – Анна отстранилась и с дерзкой усмешкой вскинула голову, – что вот ты приставать с вопросами будешь!

– А я не буду, – отвернулся Землерой. – Я сегодня жуть как занят был, не до вопросов. Только что объяснять тебе буду, но и то – не факт.

– Чем же занят-то ты таким? – прищурившись, прицепилась к нему Анна. – Сидишь там на ветке, в небо смотришь, мне не отвечаешь... прогнать решил?

– Вот ещё, – Землерой скрестил на груди руки, – я смотрю, какво корням под почвой живётся. Много ли воды они набрали? Хорошо ли растут? Это работа сложная, тонкая. Корешков и корней у дерева много, и к каждому свой подход нужен. Ошибёшься – погибнет корень!

Анна опустилась на широкий сучок и свесила ноги. Земля далеко внизу казалась ей размытым золотистым пятнышком, над которым плавали и сливались друг с другом тёмно-синие и зелёные круги.

– Да уж, – буркнула она, – понятное дело.

– Я проверяю землю здесь повсюду, – сказал Землерой, – и с другими корнями общаюсь. Так и до самой реки доходил, видал там тебя: вы с дедом рыбу ловили. Мой совет тебе, Анна...

если и идёшь ко мне, то уж следи, чтобы не увязался за тобой кто и дерево не увидел. Люди любят хорошие дрова и топоры тоже любят. Свалят они это дерево – всему лесу конец!

– А что тебя могут увидеть, ты не боишься? – удивилась Анна.

Землерой только рукой махнул.

– Меня не увидят, – отрезал он, – если я не захочу. Я могу с тобой от этого дерева и до кромки леса пройти, рука об руку, и по другую руку от тебя друг, или родственник пойдёт – всё равно меня не заметит.

– Так я особенная, выходит? – фыркнула Анна.

– Ну, возможно, да ты не зазнавайся только! – рассмеялся Землерой. – А теперь давай, поднимайся! Поднимай-поднимай скорее зад, времени мало! Солнце в зените стоит высоко, а мне к четырём отлучиться надобно: с духами встречаться будем, разговаривать.

Анна подалась ближе и вцепилась Землерою в руку, повисла на ней.

– Возьми меня с собой! – с придыханием попросила она. – Пожалуйста!

– И не мечтай! – решительно воскликнул Землерой и замахал руками. – Нельзя тебе со мной являться, да с любым другим духом, на такие собрания. Людям там делать нечего.

– А если я сама приду? – прищурилась Анна. – Я ведь если захочу, то и сделаю, Землерой, не остановишь!

– Уж знаю, что не остановлю, да не боюсь я тебя. Ты просто девчонка человеческая, ты наших секретных тропок не знаешь, не пройти тебе так, как мы, духи, ходим. Хоть сотню лет кружи да ищи, не отыщешь! Мы, духи, в прятки да угадайку кого угодно обставим.

Анна надулась и скрестила под грудью руки.

– Ну хоть когда-нибудь...

Землерой всё так же стоял спиной к ней, и ласковый ветерок поглаживал по щекам и плечам обоих.

– Не проси, – категорично повторил он. – Нельзя тебе, нельзя, Анна. И я тебе не со зла отказываю, а потому, что весело мне с тобой, не хочу я, чтобы тебя в клочки порвали, или с ума свели, или умыкнули куда... тут, у дерева, мой дом, и тут тебя духи леса не тронут. Пока ты подпоясана, пока у тебя клубочек мой – ничего и нигде не бойся, только советов наших остерегайся. Там тебя ни пояс, ни клубок, ни даже молитва святая не спасёт! Духи леса молитв не страшатся; они уже тогда всем тут правили, когда ещё люди не то, что молиться, а и говорить-то толком не умели.

Анна всё не спускала с груди скрещенных рук.

– Ну... хоть я на собраниях ваших и не бываю... и не могу всё время здесь с тобой гулять... ты ведь остаёшься... моим другом, а, Землерой? – тихо спросила она.

Землерой молчал, не спуская с шероховатого сучка под ногами взора.

– Землерой!

– Если б знал я, что такое дружба, – негромко сказал он, – я бы тебе, Анна, тотчас ответил.

Но у духов ни друзей нет, ни товарищей – это всё людское.

– А кем же вы друг другу тогда приходитеесь?

– Семьёй, Анна, – и свет заиграл в улыбке и глазах Землероя.

– А как вы...

– Ну всё, всё, хватит болтать, беги и прячься, много времени я тебе не дам!

Анна взвизгнула и кинулась прочь. И кора не скользила под её ногами, и она даже один раз лишь упала, пока не спустилась с высокого сучка, не прыгнула в плотное сплетение сияющих ветвей, соединяющихся, как ловчие нити паучьей паутины, и не угнездилась там, свернувшись под навесом из толстых зелёных листьев. Она затаила дыхание и прижала к груди трясущиеся потные кулаки.

С шелестом ветра услышала она тихий голос, и мягкая рука задорно толкнула её в плечо.

– А я нашёл, а я тебя нашёл!

Землерой мягко опустился с нею рядом, припал на одно колено и перевернул на спину, не успела Анна опомниться. Она и визгу не издала, хотя хотела. Серебристые глаза Землероя смотрели на неё неотрывно и как-то печально, и тонкие древесные ветви, как змеи, колыхались и воздевали головки к небу у него за спиной.

– Чего так быстро-то? – возмутилась Анна и кончиками пальцев упёрлась ему в грудь, отталкивая. Землерой перекатился на бок и высунул язык.

– Всё потому, что прячешься плохо! Давай, ещё шанс тебе даю, глупая, только прячься как надобно!

– Разважничался тут! – забурчала Анна, но покорно вскочила и перемахнула на следующую ветку: обожжённую солнцем, сияющую, как жемчужное ожерелье на снегу.

Она бежала быстро-быстро, словно по земле, и царапала руки и колени грубой корой. Где-то за спиной у неё заунывным голосом, речитативом, считал Землерой, и его считалку Анна ещё никогда и нигде не слышала, даже самые глупые и противные знакомые ей мальчишки не использовали такие смешные и бестолковые слова.

– Раз, два, три, четыре, пять
Много я хочу узнать,
Шесть, семь, восемь, девять
Кому сердце мне доверить?
Десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать
С сердцем холодным нельзя не считаться
Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать
Людам положено глупо влюбляться
Восемнадцать, девятнадцать, потом ещё двадцать
Хотел бы я в сердце ко смертной прокрасться,
Двадцать один, двадцать два, двадцать три:
Добром то не кончится, парень, беги!

Анна, запрыгнувшая в жёсткую сеть листьев, не шевелилась, хоть паутина и обмотала, облепила ей всё лицо. И снова она дрожала, и смотрела на тонкие нити паутины, на которых ещё дрожали холодные капельки росы, которая так и не просохла с утра. Предательски громкое биение сердца выдавало и обнаруживало её, у неё скрипели сами по себе зубы и тряслись колени, но листья и ветки не шуршали, а льнули к ней, как тёплое одеяние. Анна внимательно смотрела в прорезь между двумя сучьями: где-то там должен был ходить Землерой, и ей казалось, что она чувствует его запах, хотя самого Землероя она и не видела.

– Попалась!

– А-а-ай!

И Анна, неловко пошатнувшись, отпрянула от паутины; паутина залепила ей всё лицо и забила в нос, в уши, пристала к глазам, в особенности – к ресницам. Анна осела назад, и тут её подхватили крепкие, хотя и тонкие, прохладные знакомые руки, на ощупь похожие на молодую древесную кору, которую едва начинает прогревать солнце. Она повисла на Землерое всей своей тяжестью, и он усадил её к стволу дерева спиной. Хоть и не видела она нижней части его лица, она понимала, что сейчас Землерой улыбается, или, вернее, ухмыляется с совсем мальчишеской гордостью.

– Ну, как тебе? – хмыкнул Землерой и подбоченился. – Видала, как быстро я тебя нашёл?

– Я же не дух, – проворчала Анна и натянула на колени юбку. – Знаешь, если раньше я думала, что ты там фокусник какой или все эти странные вещи, что около тебя происходят – только совпадения, то теперь я начинаю тебе верить.

– Ого, уже и верить начала? – рассмеялся Землерой и плюхнулся с нею рядом, скрестив ноги и откинувшись назад. Ласковый тёплый ветер гладил его по прикрытому наполовину лицу и путался в волосах. – А чего так поздно-то?

– Да не привыкла сразу доверять, – рассеянно ответила Анна. Вдруг подавшись вперёд, она запустила руку в снежно-белые растрёпанные волосы Землероя, намотала несколько прядей на пальцы и рванула на себя.

– Э-эй! – возмущённо завопил тот и вцепился ей в руку. – Ты что такого удумала?

– Да просто волосы у тебя странные, – Анна отняла руку и задумчиво покрутила запястьем под беспощадными ударами солнечных лучей. Зацепившиеся за неровно обстриженные ногти, белые пряди беспощадно сияли и слепили ей глаза. Она зажмурилась и опустила руку. – Я думала, это парик.

– Мы духи! – рассерженно проворчал Землерой, опасливо проводя ладонью по волосам. – Мы париков не носим! Разве что речные хозяйки их надевают, когда на праздник идут, но у них причина есть! – склонившись к самому уху Анны, Землерой горячо прошептал ей на ухо: – Они просто лысые, а за красивых девиц им так охота сойти!.. Если им какая девушка жертвует свои волосы: отрезает и в реку бросает в жгучий полдень, – они этой девушке всеми силами будут помогать: и жениха достойного подыщут, и в родах ребёнка сберегут, и с мужем любовь сохранить помогут, живи только неподалёку от реки, и всё ладно будет. Можно даже не рядом с той, которой волосы пожертвовала: речной народ близко общается, они все-все свои горести и печали друг дружке передоверяют, поэтому ни их благодетелю, ни обидчику от них нигде не скрыться! Мне так сказывали, что они с морскими братьями дружбу водят, но это уже хвастовство, по-моему. Морские жители – они гордые, нелюдимые, даже со своей семьёй болтать подолгу не любят.

Анна отодвинулась и уцепилась за дерево чуть дрожащими пальцами.

– Врёшь, – выдохнула она. – Вот врешь и не краснеешь!

– Да с чего мне врать? – пожал плечами Землерой. – Всё так, как я говорю, и есть.

– Хочешь сказать, – прищурилась Анна и неловко заёрзала на месте, – если я сестре скажу волосы срезать и в реку бросить, она тотчас замуж выйдет?

Землерой подумал чуть-чуть, прищурился и покачал головой.

– Нет, про «тотчас» я не говорил.

– Но выйдет же? – настаивала Анна.

– Ну, выйдет, – согласился он, – это только если условия соблюсти.

– Какие ещё условия?

– Не оборачиваться, как домой идти будешь, – начал загибать пальцы Землерой, – в воду не вставать, не подпоясываться и крестик на тело, как пойдёшь волосы жертвовать, не надевать. Если знать, как, то со всякими духами можно договориться. Вот у духов нашего дерева можно, например, крепость корней попросить, и урожайность, и чтобы плоды были сочные и большие...

– И что для этого сделать надо? – живо заинтересовалась Анна, и глаза её засверкали, как угольки в костерке.

– Не подпоясываясь, земли у нас под деревом зачерпнуть, в пояс поклониться и сказать: «Хозяин, друг мой природный, подсоби, выслушай просьбу!» – ну, и сказать, собственно, чего тебе надобно. А потом поклониться трижды в пояс, повернуться и домой идти, да только не оборачиваться! И это всё работает, только если ты с духами дерева прежде не встречался, – Землерой умолк и вдруг застыл, серебристым взглядом скользя по листьям.

Анна надула губки и обречённо вздохнула.

– Значит, я у тебя ничего попросить не могу?

– Почему это? – встрепенувшись, Землерой повернулся к ней и взлохматил волосы. – Тебе дух и сам поможет, без просьбы. Как и всякому, с кем у него связь появилась.

– А как ты узнаешь, что надо помочь?

Землерой наклонился к ней и весело встряхнул за плечи.

– Мне всё ветер нашепчет, животные расскажут. Я же тебя теперь хорошо помню, Анна, – и он медленно поднялся, вздымая голову к небу. – А теперь беги домой, держи крепче свой клубок и приходи завтра: мне пора.

– А меня с собой ты точно не возьмёшь? – Анна даже вытянулась, стоя на коленях и отчаянно сжимая край его грубой одежды.

Холодные пальцы Землероя медленно и осторожно разжали её собственные.

– Нельзя, даже и не думай. Сейчас – нельзя.

– А когда будет можно?

– Будешь приставать – никогда! – и он замахал на неё руками. – Давай-давай, беги, Анна, да смотри – клубочек не теряй!

Безмужняя девица

Сестру Анны звали Мария, и было ей без малого двадцать лет.

Мария была высокая, худая, как башня, с жидкими соломенными косами, слишком большим лбом и выпуклыми чуть глуповатыми глазами. Анна думала, что у Марии глупые глаза, потому что она не особенно ту любила. Между ними пролегли десять лет разницы, к тому же, знала Анна, что Мария – не совсем родная ей сестра. Именно из-за этого с таким наслаждением и такой регулярной частотой ссорились её родители. Если матери Анны что приходилось не по нутру, она картинно плакала, рвала на себе волосы, выла, как собака на цепи, а в минуты особенно сильного раздражения бросалась в мужа тарелками, книгами, подушками – словом, первым, что под руку попадало, – и вопила так громко, что стены сотрясались:

– Да, да, я так и знала, что мы тебе не нужны! Тебе вот, твоя Маша, Мария – никто больше не нужен! Так з-забирай свою Машу и проваливай с ней, куда глаза глядят! Взрослая уже! Не пропадёт!

А Мария обыкновенно стояла в углу, ссутулившись, тёрла одна об другую шероховатые красные руки и молчала, и глупые навывкате глаза её смотрели в пол с неотрывной и ко всему равнодушной тупостью. Анна любила поддразнивать Марию: она часто ставила над головой рожки и показательно мычала, показывая старшей сестре язык:

– М-му! М-му! Му-у-у! Маша-м-м-му, корова-м-м-му!

А Мария молчала и покусывала губы. Из-за того, что Мария это слишком часто делала, у неё были не губы, а какие-то лохмотья розоватого мяса и отшелушившейся серой кожи, да ещё и в уголках рта выступала запёкшейся коричневато-алой коркой кровь. Анна несколько не удивлялась, что такую страшненькую, глупенькую Марию никто не целует – брезговали, наверное, – и что никто её замуж не берёт.

– Если б я была мальчишкой, – важно говорила Анна, прохаживаясь перед страшненькой, кривоватой, неладной, глупой сестрой, – я б тоже тебя замуж не взяла.

Мария сверлила её тупым коровьим взглядом исподлобья и бурчала:

– Вот уж как будто я замуж так хочу! Я ещё молодая!

– Хо-очешь, – настаивала Анна, – а никто не берёт. Я бы тоже не взяла.

Раньше за такие насмешки Мария её, бывало, и колотила, да вовсе не по-сестрински, но вот уже год или два, как сошли с её локтей и предплечий огромные багрово-сизые разводы твёрдых синяков, она перестала не только реагировать на слова Анны, а и саму Анну замечать. Старшую сестру Анна редко видела: та училась, говорила, что и работает где-то, но Анна не верила. Мать любила ворчать, обмахивая пыль с мебели и подоконников:

– Работает, как же! Толку-то от её работы!

Отец, в присутствии которого такие речи и велись, вздыхал, почёсывал за ухом, а Марию не защищал. Мария вообще и не жила будто в этом доме. Она приходила поздно вечером, не ужинала, за завтраком ела мало, а, если не было у неё ни работы, ни учёбы, пропадала где-нибудь вне дома – ищи её, да не найдёшь! Даже дедушка не знал, куда она ходит, а если и знал, то помалкивал.

– Ты меня меньше неё любишь, – в середине июля начала обвинять его Анна.

Дед посмотрел на неё прозрачным, похожим на взгляд Землероя, взором и повёл плечами, а потом неспешно ответил:

– Потому что больше её никто в целом свете полюбить не хочет.

– Так она сама в этом и виновата! – обиделась Анна и ушла рыдать на сеновал.

Сеновал был расположен высоко-высоко над хлевом, где томились, похрюкивая, в раздельных помещениях четыре толстых хряка с короткими хвостиками пяточком и несколько коров с туповатыми мордами и обвисшим выменем. Анна любила просовывать к коровам травинки и отдёргивать их прежде, чем шершавые длинные языки захватывали добычу.

– Глупые вы, глупые! – подначивала она бессловесных коров, забиралась на перегородку стойла, устраивалась там верхом и отчаянно пыжилась. – Глупые, как моя сестра!

Как и Мария, коровы ей не отвечали, и она сердито шмыгала носом и толкала коров в бока ветками, которые притаскивала с собой с улицы, но и это не приносило большой пользы. Чаще всего случалось так, что к ней приходил дедушка, привлечённый стоном и мычанием взволнованных животных, и Анна долго убегала от него по хлеву, уворачиваясь от ругательств и обещаний когда-нибудь устроить ей «знатную трёпку». Дед любил ставить ей в пример Марию, и Анна, забившись после в угол где-нибудь там, где никто не видел, озлобленно шипела себе под нос:

– Мария то, Мария это! Да толку нету никакого от этой глупой Марии, глупой, глупой Марии! Скорее бы уже она замуж вышла или просто куда-нибудь отсюда уехала, надоела, сил нет её терпеть!

Но Мария не уезжала и не выходила замуж, а всё потому, что она была слишком глупая, слишком некрасивая и слишком невезучая. Даже если бы Анна действительно хотела помочь ей, такая бестолковая девчонка не добилась бы ничего хорошего, и у Анны предательски щемило сердце, когда она понимала, сколь долгое время ей предстоит провести со старшей сестрой бок о бок. Она хотела бы и Землерою пожаловаться на своё несчастье, но Землерой немного с нею разговаривал. Только Анна собралась рассказать ему о Марии, как он стал отговариваться своими делами и гнать её прочь из леса.

Анна, наверное, даже обиделась бы на него ещё сильнее, чем обижалась на дедушку, когда тот предпочитал ей несуразную старшую сестру, но Землерой рассказал ей о речном течении и о живущих там духах – дочках речных хозяев.

– Вот заодно и проверим, врёт он или и вправду что-то особенное умеет, – заключила Анна, натягивая снова помявшуюся синюю юбку и вешая на руку плетёную корзинку.

Она не любила искать Марию, потому что не знала, где ту можно отыскать. Однако на этот раз сестра сама попала на глаза: она шагала куда-то по подворью, нагруженная свежeweыстиранными коврами, в потрёпанной коричневой юбке и уродливых резиновых башмаках, которые не скользили даже по самой чудовищной грязи. Анна налетела на Марию и повисла у неё на руке, загребая ошмётки грязи сандалиями и подкидывая кверху ноги так, что комки чуть было в лицо Марии не полетели.

– Эй! – закричала она требовательно. – Эй, бросай свои дела, идём в лес!

Мария хладнокровно сгрузила Анну на землю и поправила свежeweыстиранные ковры, от которых так и несло искусственным сильным запахом порошка, у себя на сутуловатом плече.

– Не могу, – глухо ответила она, – я занята сейчас.

– Да бросай! – продолжала уговаривать её Анна. Она чуть ли не приплясывала кругом сестры, хватала ту за юбку и тянула на себя. – Давай, пойдём, не пожалеешь!

Из хлева, где стояла, согнувшись, мать и кормила визжащих хряков, послышался резкий повелительный голос:

– Мария, ступай! Нечего под ногами вертеться, всё равно толку от тебя...

Мария покраснела и с чувством сбросила ковры на поваленную железную решётку, которая раньше отграничивала один сектор подворья, где бегали мелкие желтые цыплята, от таких же жёлтых, но чуть более неуклюжих, утят. Над коврами поднялось беловатое облачко: это в воздухе вырвались кристаллы стирального порошка.

– Да уж понятно! – резко сказала Мария и, оправив юбки, повернулась к Анне. Мрачное и унылое коровье лицо её показалось Анне ещё более глупым, и она едва было не хихикнула про себя, отметив: «Вот такое точно надо бы Землерою показать, но ведь он запретил, настрого запретил с чужими к дереву ходить...» – Ну, чего тебе там, показывай...

И Анна швырнула оземь алый шерстяной клубок, подаренный Землероем, и клубок быстро покатился по грязи и по сухой почве, между травяных стеблей, по песчаной присыпке, по каменистым насыпям, под палящим безжалостным солнцем – всё дальше, дальше и дальше отсюда.

Анна бежала за клубком, закрывая путеводную нить от Марии, ломилась напролом, и бывало, что дикая сорная трава закрывала её всю, как будто бы хотела окутать своеобразным плащом, спрятать от Марии, а после утянуть в своё царство, где никто из смертных прежде не бывал и куда нога ни одного здравомыслящего человека ни за что ни про что не ступит. Следом за нею торопилась Мария: она отдувалась, смахивала со своего коровьего, вечно грустного лица пот и приставучих мошек, поддевала подол уродливой коричневой юбки и с шумом и треском наваливалась на сочные травяные стебли – точь-в-точь как скотина ломилась она в лес. Анна подпрыгивала, с каждым глухим ударом своих ног о почву улыбаясь всё шире и шире. Солнце снова прокрадывалось тонкими лучиками в самые глубины древесных крон и бесчисленным множеством озорных ломких зайчиком рассыпалось по грубой коре древесных ветвей, по земле, по шляпке, которая опять скатилась у Анны с головы и болталась, но не спине, а на груди, подпрыгивала, удерживаемая широкими лентами, на непокрытой светлой голове Марии и в особенности – на точечной россыпи рыжеватых веснушек на её щеках, под глазами, и на шее, у самых ключиц. Мария ворчала только вначале, а потом пошла спокойно, и Анна побежала веселее, не замечая, как коварная крапива до алых вспухших полос рассекает ей открытые части рук и ног. В обувь ей забивались земля и мелкие камушки, она вырывала с тоненькими лиловато-сиреневыми корешками крохотные цветочки и едва начавшие тянуться к солнцу живучие сорные травы; она по-обезьяньи хваталась за ветви, раскачивалась и выбрасывала вперёд тело, перескакивала с камня на твёрдую землю и двигалась дальше.

– Мария, а, Мария! – задорно кричала Анна, не оборачиваясь, и шаг в шаг следовала за витой алой нитью, которую клубок прокладывал в шумном и свежем с утра летнем лесу. – Мария, а ты замуж не хочешь?

Хоть и не оглядывалась Анна, она видела и слышала, как зарделась сестра и опустила своё глупое коровье лицо с чуть выкаченными бестолковыми глазами.

– Да чего ты прицепилась ко мне, а?! – возмутилась она. – Нет, не хочу!

– А ты захоти! – капризно потребовала Анна и ногой сшибла с дороги мелкий остроугольный камушек. – Вот захочешь – и всё у тебя получится, и всё у тебя своё будет.

– У меня и так всё, что надобно, есть, – проворчала Мария и, остановившись, вытряхнула из плоской разношенной туфли почву. – Больше не прошу!

– Но хочешь ведь, – лукаво продолжала подзуживать её Анна. – Хочешь, хочешь, глаза-то вон как горят! Хочешь, а признаться боишься!

– Ничего я не боюсь! – снова по-детски возмутилась Мария и на ходу умудрилась скрестить на груди руки и надменно отвернуться. – Вот ещё, чтобы я такого боялась! И чего ты пристаёшь ко мне, не понимаю!

– Я тебя к волшебной речке веду, – поучительным тоном промолвила Анна и остановилась. – Вот сейчас придём туда, сядем у устья, а ты волос прядь отрежь, какая покрасивее, и на воду спусти, и венок сплети, сплети миленький и туда же его, в воду...

Мария тоже замерла и подбоченилась. Её редкие брови высоко поднимались над совершенно коровьими бестолковыми глазами.

– Зачем бы это?

– Ну надо, – пробурчала Анна. – Хотя про венки Землерой вроде ничего не говорил, но это как-то нехорошо: без подарка приходиться, да ещё и просить что-то...

– Ты чего это бормочешь? – подозрительно прищурилась Мария.

– Да ничего я не бормочу, сама ты бормочешь!

Анна оглянулась, уцепилась за крепкий толстый сучок молодого, налитого соками и обласканного солнечными лучами дерева, опёрлась о ствол пружинящей ногой и взлетела наверх. Она и сама подивилась тому, как легко у неё это вышло, и подумала вдруг о Землерое, о том, как здорово было бы, если бы он увидел её хоть краешком глаза сейчас.

– Я тебе дело говорю, между прочим, – продолжала делиться мудростями Анна, – если попросишь речных хозяек как следует, они тебе и мужа дадут, и ребёнка дадут, и всякое счастье, а тебе разве не этого надо?

Бледно-серые щёки Марии пошли такими огромными алыми пятнами румянца, каких Анна ещё ни на одном лице во всю свою жизнь не видала. Мария сердито отбросила свою корзинку в далёкие косматые кусты и топнула ногой.

– Так вот зачем ты меня сюда потащила?! – закричала она.

Анна вцепилась всеми пальцами в толстую ветку и втянула голову в плечи с упрямством разозлённого молодого быка.

– Ага! – отчаянно подтвердила она. – А ты подумала, зачем бы ещё?

– Вот уж явно не за этим! – запыхтела Мария. – Делать мне больше нечего, только всякими глупостями заниматься!

– Это не глупости! – рассерженная Анна тотчас спрыгнула с ветки и выпятила грудь. – Это мне проверенный... друг сказал!

– Да наплевать мне на твоих друзей! Как будто я не вижу, что ты поиздеваться надо мной собралась!

– И ничего я не собралась! – возмущённо стала отпираться Анна. – Я тебе, между прочим, помочь хочу, потому что больше тебе никто не поможет, даже ты сама не сможешь, потому что ты глупая, глупая Мария, коровка-Мария, понятно?!

Мария замерла на миг и широко распахнула рот. Анна пристыла к шероховатому крепкому сучку и умолкла: её губы спекло излишним жаром солнца, и она вдруг, в странном озарении, поняла, что ей не следовало это говорить.

В глазах у Марии дрожал преломлённый солнечный свет.

– Ну, – очень спокойно и холодно сказала она, – раз так, тогда найди себе для общения кого-то, кто на корову не похож.

Анна неловко вытянула вперёд похолодевшую руку. Птицы беспечно пели над её головой и вились хороводами в бледно-голубом небе, в разрывах между облаками.

– Это... – медленно сказала она и умолкла. Она явно чувствовала, что должна продолжить фразу, но почему-то у неё решительно ничего не выходило – как будто кто-то крепкой ниткой зашивал ей губы – всё прочнее и прочнее, чтобы рот совсем не раскрывался.

Мария тяжело протопала в кусты, выудила из колючего сплетения диких ветвей свою корзинку и, подняв голову повыше, жизнеутверждающе хмыкнула.

– Счастливо оставаться, – сказала она с подчёркнутой холодностью и медвежьей походкой затопала по той дороге, по которой пришла.

Анна выбросила вперёд вторую руку.

– Эй!.. – неловко позвала она снова, но Мария её даже не услышала. Её спина удалялась и удалялись, и топот ног уже почти не раздражал слух.

Анна вдруг вскипела. Сама не своя, она изо всех сил пнула землю, и где-то в кустах обеспокоенно завопили мелкие зверюшки. Анна схватила в обе руки алый шерстяной клубок, размахнулась, но не швырнула его, а лишь пнула пустоту и обрушилась на тёплую сухую землю. Она отчаянно высовывала язык так, как будто бы копировала рассерженную змею, кривлялась и шипела уходящей Марии вслед:

– Ну и иди! Иди! Проваливай! Глупая Мария, тупая Мария, коровка, корова! Не хочешь, чтобы я тебе помогла – так тебе вообще никто не поможет... я по-хорошему, между прочим, хотела, а ты, ты вот так со мной... да ты мне вообще не нужна, понятно?! У меня и без тебя целая куча друзей! Подумаешь! Иди-иди, давай, я с тобой больше не разговариваю! В жизни словом не перемолвлюсь!

Мария шла и шла, пока не пропала в густых колючих кустах совсем, и тогда у Анны иссяк поток проклятий и злости. Фырча и злобно сжимая в ладонях алый клубок, она заползла в тень старого кряжистого дерева, сунула локоть под голову и заплакала сердитыми, гневными и горячими, как июньское солнце, слезами.

Малютка танцовщица

– Не надо было так говорить, – в тихом голосе Землероя звучали нотки осуждения.

Анна упрямо вскинула голову и даже губу прикусила. Она сидела, болтая ногами, на толстом шероховатом суку огромного дерева, солнце обстреливало густую крону размытыми яркими пятнышками. В переплетениях света и тени тонкое лицо Землероя казалось призрачно-бледным, и Анне даже не верилось, что такой, как он, действительно может существовать. Было тихо и спокойно: самая середина июля, самый жаркий день за прошедшие три лета, – даже птицы и зверушки молчали. Где-то у Анны дома, выставленная на бетонные плиты, которые в беспорядке мостили внутренний дворик, стояла старая сковорода, а на сковороде издавали шипение и скворчание поджаривающиеся яйца – вот насколько было жарко.

Анна свесила ногу и сердито ударила пяткой по глубокой морщине в древесном стволе.

– Она сама виновата! – убеждённо отрезала Анна. – Я хотела как лучше!

– Всё равно неправильно ты поступила, совсем как девчонка глупая, – поучительным тоном оборвал её Землерой, – Нельзя людям навязывать то, чего они не желают.

– Да желает она замуж, с чего ты взял-то, что нет? – продолжала злиться Анна, пиная дерево.

– Так она же сама тебе сказала, что не хочет.

– Она соврала!

– Да зачем? – чуть приподнялись брови Землероя.

– Потому что ей стыдно сказать, что она хочет, а никто не берёт, вот она и ошивается у нас тут, всё время туда-сюда бродит, никакой пользы, только маме надоедает, – Анна уверенно скрестила руки на груди и испустила долгий жизнеутверждающий вздох. – Вот так всё и есть. Ты хоть и дух леса, а об этом знать не можешь, так что учить меня не надо.

– Да тебя научишь, – пробормотал Землерой куда-то в сторону, и ветер вдруг похолодел, и на небо стали набегать сероватые тяжёлые тучи. – Ты ведь, если и говоришь тебе дело, не слушаешь.

– Я слушаю, вообще-то, – сварливо отрезала Анна, – ты сейчас просто не прав. Вот я тебе и говорю, как всё на самом деле есть.

– А я тебе говорю, – стоял на своём Землерой, – что люди многого не понимают.

– А ты всё понимаешь, потому что ты дух, видите ли?

Землерой откинулся назад, прислоняясь вихрастым затылком к морщинистому стволу, прикрыл глаза с трепещущими ресницами и неожиданно умолк, словно бы призадумался. Анна тоже притихла. Между их руками, почти касающимися друг друга, вился холодный игривый ветерок, и Анна чувствовала, как странные мурашки начинают ползать у неё по коже.

– Всё нет, – шепнул его губами загустевший воздух.

Тут Землерой открыл глаза и стремительно поднялся – Анна даже не успела заметить, как он выпрямился и уже согнул ноги в коленях, готовясь к прыжку.

– Ты куда это? – тут же переполошилась Анна.

– Без тебя не уйду, – коротко ответил Землерой и протянул её руку. – Давай же, вставай!

– Да зачем? Мне и тут хорошо, а там, за деревом, так жарко-о...

– Не ворчи, ленивая, а вставай и просто иди за мной! – упрямо подгонял её Землерой. – Ну же, скорее! Показать тебе кое-что хочу!

– Но я... ай! Подожди, подожди, куда ты меня...

Они проломились сквозь бесчисленные тоненькие веточки, раздвинули их в стороны, как мешающие клочки прилипчивой паутины, и кубарем покатались по раскалённой земле. Анна свернулась в клубок и ошарашенно затрясла головой. Пока она приходила в себя, Землерой уже вскочил на ноги и снова уцепился за её ладонь. Он настойчиво сверкал серебристо-серыми глазами и тянул её за собой, в высокую, даже выше пояса Анны, траву, шуршащую от самых лёгких, ласкающих прикосновений ветра, и настойчиво подгонял:

– Ну давай же, вперёд! Анна! Ну, ну, скорее, пока я не забыл!

– Что... ты... хочешь... мне показать? – с трудом выдавила Анна. Раскалённый летний воздух собирался у неё во рту и в носу, казалось, он заполнил её лёгкие до отказа, и в голове у неё повисла такая же туманная дымка, как и та, которая обволакивала округу перед нею. Сухая прохладная ладонь Землероя уверенно стискивала её пальцы с могучей силой, и она бежала за ним сквозь шумное море июльской травы, сама не понимая, как ей удаётся столь быстро перебирать ногами. Над головами у неё и у Землероя спешили куда-то прекрасные, лёгкие белые облака, обласканные золотисто-сизым сиянием высоко вставшего солнца, и она видела, как то и дело с веток срываются крошечные маленькие листики. Хотя был всего лишь июль, эти листики уже завяли, а некоторые – и вовсе иссушились и стали пепельно-коричневыми, ломкими, как глубокой осенью.

– Землерой, мой клубок...

– Дождётся он тебя, никуда не денется! Скорее, скорее! – подгонял он её и сам всё ускорялся и ускорялся, пока у Анны совсем не сбилось дыхание и она не повисла на его руке мёртвым беспомощным грузом.

Землерой провёл её сквозь высокую траву по дуге, раздвинул густые мягкие стебли – и Анна почувствовала благословенное дуновение прохлады. Как-то совсем неожиданно они очутились на низеньком покатом берегу той самой реки, куда она хотела сходить с Марией, чтобы задобрить молодых хозяек, дочек местных незримых господ, и выдать Марию замуж поскорее. Анна остановилась, и Землерой замер тоже. Своей ладони из её он так и не вынул, и она чувствовала, что его пальцы даже холоднее, чем дуновение, идущее от реки.

– Вот, – сказал Землерой со странной примесью гордости в голосе, – пришли.

Анна непонимающе вздёрнула бровь.

– Э-э... ну и что?

– Совсем ничего не понимаешь? – Землерой оглянулся на неё, и в расширившихся серебристых глазах мелькнуло нечто вроде упрёка. – Эх, ладно, – он махнул рукой, – чего ждать-то от тебя ещё... Ну, подходи ближе. Я тебе кое-что покажу, но для этого надо в воду посмотреть.

Анна опасливо поглядывала на прозрачные холодные воды.

– А можно? Вдруг хозяйки на меня разозлились... и утащат, стоит мне подойти?

– Разозлились, конечно, – спокойно кивнул Землерой, – скрывать не стану. Но, покуда я тут, с тобой, ничего они тебе не сделают, так что делай и не бойся ничего. Ну же, – он крепче сжал её пальцы и сделал первый шаг на мягкую, липнущую к ногам влажную тяжёлую почву ската, – пойдём, Анна. Я обещаю, ничего страшного не случится.

Анна обеспокоенно огляделась, пару раз шмыгнула носом для проформы, и тёплый солнечный луч золотым ободком обвился кругом её указательного пальца, что нерешительно цеп-

лялся за пальцы Землероя. У него всегда была прохладная кожа, и от него не пахло ничем другим, кроме спокойствия вечернего леса, и это помогало ей расслабиться так, словно бы она лежала в колыбельке, было ей года два, от силы – четыре, а Землерой, как её добрый старший брат, которого у неё никогда не было, стоял, склонясь над люлькой, покачивал её заботливыми осторожными движениями и напевал беззвучную и бессмысленную колыбельную.

– Если они меня всё-таки утащат, ты виноват и ты дурак, – прошипела Анна напоследок.

Землерой, казалось, безмятежно улыбнулся – хоть и не видела она его лица, она знала, что улыбка прячется в уголках его глаз.

– Да, конечно, – сказал он спокойно и царственным шагом подвёл Анну к ручью.

Это было самое узкое место русла, которое здешние рыбаки прозывали «перешейком». Хоть и много рыбы здесь водилось, застревающей в песке и иле в период ненасытной засухи, всё же ни один уважающий себя местный не отправился бы в это место с удочкой и ведёрком. Ещё задолго до того, как дедушка Анны услышал историю полусумасшедшей старухи, которой даже собственная сестра сторонилась, перешеек считали проклятым местом. Каких только легенд о нём ни складывали! Говаривали, что в древние времена в этом звонком хрустальном ручейке пачками топили ведьм и неугодных нынешней власти, и скапливались все они в перешейке, вот тот и обмелел, и сузился, пропитанный кровью и болью. Говаривали, что по ночам полнолуния сюда слетаются все злые колдуньи, каких только доносят их мётлы, и до первого розового луча рассвета веселятся и поют, но не так, как нормальные люди, а по-своему: неукротимо, бешено и страшно. Говаривали, что в совсем незапамятные времена, когда ещё и государства нынешнего не существовало, тут вылавливали и казнили первых христиан, а трупы их сбрасывали в перешеек – он и обмелел. Словом, какие только слухи ни витали кругом этого места! И, хоть почти никто из местных и не признался бы ни за что на свете, особенно – мужчины, что верит в них, они, однако, ни при каких обстоятельствах ни удумали бы пойти сюда рыбачить, да даже на прогулку, даже в компании, даже ярким и безвинным, бесконечным, жарким и удушливым летним днём.

Анна преклонила колени, и мягкая тягучая почва просела под её весом. Она опёрлась на руки и с любопытством заглянула в колеблющиеся полупрозрачные воды. В них дробилось, рассыпаясь на множество осколков и собираясь в причудливом несообразии, её собственное лицо: бледно-зелёное, словно у полумёртвой, перепуганное, вытянутое, с большими тёмными глазами; её руки, на которых ещё не зажили все синяки и царапины, которые остались от лесных приключений; её топорщащаяся ярко-голубая майка и даже поясok от небесной юбки, к подолу которой, как обычно, прицепились репы и мелкие травинки да иголки.

А рядом, слева от неё, плавало такое же дробящееся искажение Землероя. Неровное, смазанное, как сон, как призрак. Казалось, рядом с ней и вовсе нет никакого Землероя, он ей только кажется. И Анна даже протянула руку, не отрывая от беспокойных мелких вод взора, чтобы нащупать Землероя рядом.

И он оказался рядом: она натолкнулась на его плечо, подняла руку выше, в исследовательском пылу слегка изогнула и вытянула пальцы, и она нащупала растрёпанные мягкие волосы. Анна чуть было не намотала их колечками кругом суставов и не дёрнула, но вовремя опомнилась. Землерой сидел рядом с нею, не шевелясь, и её рука лежала у него на макушке, безнадежно потонувшая в неаккуратных белоснежных вихрах.

– Эй, – сказал Землерой чуть слышно и подпихнул её локтем, – посмотри в ручей внимательней, Анна. Что ты там видишь?

Анна прищурилась и надула губы. У отражения на лбу появились забавные мелкие морщинки.

– Странные ты вопросы задаёшь, – с лёгким высокомерием произнесла она, – конечно, себя! А кого я ещё там должна видеть?

Лёгкая грустная улыбка сверкнула в чуть прикрытых серебристо-серых глазах Землероя, и он ниже опустил подбородок в свой высокий воротник.

– А когда ты с сестрой говорила, – едва слышно промолвил он, и ветер подхватил и распел его вопрос хором из тысячи шелестящих голосов, – что ты видела?

Электрическая боль прошла тело Анны, и волна обжигающей ярости залила ей сердце. Она резко дёрнула на себя руку, и белые-белые, совсем лишённые цвета мягкие пряди Землероя тускло засверкали, обвитые кольцами кругом её пальцев. Он ойкнул и схватился за голову, а Анна отскочила от него и яростно заходила кругами.

– Да что ты такое спрашиваешь сегодня, не пойму! – закричала она. – Кого я ещё могла видеть, если не эту глупую Марию, у меня, между прочим, со зрением всё...

Трясущиеся руки её обвисли вдоль тела, не успела она закончить фразу. Анна стояла, пустая, как стакан, из которого вылились ненужную воду, смотрела в коричневую землю, обсыпанную золотистой крошкой, под своими ногами, на бесчисленных, не останавливающихся муравьёв, на бледно-зелёные основания травинки, и у неё шла кругом затуманенная голова, но вовсе не от жара, а потому, что ей совсем не хотелось отвечать Землерою. Анна всерьёз жалела сейчас, что не умеет падать в обмороки, как пропахшие нафталином дамы прошлого из иллюстрированных книжек покойной бабушки.

– Ну так? – Землерой, на удивление, не стал ругаться, что она выдрала ему волосы, и, далеко отставив руку, опёрся на согнутую в локте руку. Серебристо-серые полупрозрачные глаза его заинтересованно и чуть лукаво посверкивали. – Скажешь?

– Иди ты, – пробурчала Анна и потными руками зачем-то оправила безнадежно измятую небесно-синюю юбку. – Ну, может, и себя, но всё равно Марии от этого одна только польза!

– Тебе-то польза, а не Марии, – поправил её Землерой и улёгся на спину, забрасывая за голову руки. – Ведь ты о себе, а не о ней, думала, и себя, а не её, видела. Кому же ты тогда помочь хотела? Вроде как очевидно, что не ей.

Анна сердито заурчала, зафырчала, заворчала, отвернулась и зябко стала подёргивать плечами. Ей было холодно и неудобно, как будто с неё, закутанной в тяжёлое стёганое одеяло, это одеяло вдруг стянули. А Землерой по-прежнему беспечно валялся на земле, забросив светящиеся под солнцем руки за голову и одну ногу уложив на другую, и продолжал поучать её тоном старшего товарища:

– Каждый раз, как монетку подбрасываешь, смотри, чтоб на тебя лицевая сторона глядела. Тыльную ты и так каждый день видишь, если только на себя смотришь, конечно.

Анна бессильно опустила на землю.

– Думаешь, я прям совсем плохо поступила? – чуть слышно спросила она. – И ни за что ни про что Марию коровскую обидела?

– Ну-у... – многозначительно протянул Землерой и умолк, не договорив.

– Значит, да, – обречённо кивнула Анна. – Ну и дел я наворотила, правда?

Землерой повернул к ней голову, и несколько прядей белоснежных волос упало ему на сверкающие льдистой серостью глаза.

– М-м? – удивлённо протянул он. – Ты о чём это, а?

– Ну... – Анна неловко соединила большие пальцы и начала раскачиваться из стороны в сторону, – я Марию не очень люблю, конечно, да и никто у нас её, честно говоря, особенно не любит, но если я её ни за что ни про что обидела, то мне её жалко и за себя вроде как стыдно...

– Знаешь, – задумчиво промолвил Землерой, – а я таких ошибок уже столько повидал, что легко тебе скажу как дух опытный: они у вас частенько встречаются. Ты не первая и, к несчастью большому, не последняя в том числе.

– Да уж понимаю, не глупая, – пробурчала Анна.

– А когда я впервые такое повидал, я даже удивлялся, представляешь? – Землерой вдруг оживился и перевернулся на живот, подпирая обеими руками голову. Его льдистые глаза с нескрываемым интересом и любопытством глядели на неё безотрывно, почти не мигая.

– А когда ты такое повидал? – заинтересовалась Анна. – Ты же из леса никогда не выходишь!

– Ну, не выхожу, но с тобой ведь познакомился, – непосредственно согласился Землерой. – Раньше, когда я ещё меньше был, люди куда чаще в лес ходили и знали, как с лесом общаться надо. Не просто по грибы-ягоды бегали, а, бывало, и совета спрашивали. И по-особому, знаешь... девушки, женщины, да даже старухи, у кого почти руки-ноги не гнулись, плясали, и как плясали: смотришь, не веришь, что это обычные смертные люди, не духи, как мы. Они нам так подражали, нашим танцам да нашим обычаям, и маски надевали на лица, и хороводы даже водили – вот были времена! – Землерой ненадолго прищурился – и неожиданно распахнул погрустневшие глаза снова. Взор его остановился на Анне и обмерил её с ног до головы, а потом безжизненно упал на солнечную, сверкающую горячую землю, соскользнул в негромко шепчущие, звенящие, переговаривающиеся друг с другом мелкие волны ручейка. – Знаешь, всё это было настолько красиво и так завораживало взгляд, что многие духи не выдерживали, особенно наши, с этого дерева. Они слетали со своих насиженных мест, обо всём забывали, мелким шагом к этим танцовщицам шли и тоже людьми оборачивались, вот как я.

– Так ты на самом деле не как человек выглядишь? – ахнула Анна.

– Конечно, нет, – грустно усмехнулся Землерой, – я ведь и не человек-то уже, в самом деле, Анна.

– Вот так новости, – протянула она, – и как же ты на самом деле тогда выглядишь?

– Тебе какое дело?

– Вот и такое! Скажи, ну скажи, пожалуйста, а если покажешь – и того лучше будет, я от тебя отстану!

– Да не буду я тебе ничего показывать, – заворчал Землерой. – Это... запрещено. Нельзя нам перед людьми своё истинное лицо раскрывать – проблемы потом и им, и нам будут – не оберёшься!

– Ну так а духи, а другие духи? – всё приставала Анна.

Лицо Землероя омрачилось.

– Какие «другие»-то?

– О которых ты только что рассказывал! – она уверенно подползла ближе и затащила настойчивым, гнусавым и чуть противным голосом. – Я всё запомнила, не надо тут мне теперь увливать, понял?

Землерой отполз назад.

– Никуда я не увливаю! Просто я договорить не успел, ты ведь тараторишь и тараторишь, слова вставить не даёшь толком... Те духи, которые к людям выходили, они нарушали запрет: не просто так нельзя нам свои истинные лица показывать. Когда кто-то наше лицо видит, он может силу у нашего дерева, нашего леса отобрать, а если таких нарушителей много будет, то и силы совсем не останется... понимаешь?

Анна сунула голову между коленей и упрямо пробубнила:

– Да, давай, рассказывай мне дальше свои сказки, я просто знаю, что ты не хочешь мне своё лицо показывать из жадности! Жлоб ты, Землерой, маленький скряга, понятно тебе?

– Ну не хочешь верить, так не верь, – устало отмахнулся он, – а договорить мне дай, потому что это важно.

Анна медленно приподняла голову и уставилась на него стеклянным взглядом.

– Духи спускались к этим танцующим и часами кругом них вились. Понимаешь... влюбились они и были готовы на всё, любую их просьбу исполнили бы. Только не все девушки об этом догадались. Вернее, ни одна не поняла, что духом как хочет может вертеть, кроме одной-

единственной. Она сама молодая из всех была: не знаю, сколько лет ваши ей дали бы, а по нашим меркам больше, чем на две сотни, не потянет. С лица вроде бы и неказистая, и волосы спутанные и какие-то сухие, но... но танцевала она так, как и лучшие из наших танцоров едва ли могут, – Землерой блаженно прикрыл глаза. – Она такая быстрая была, неуловимая, текучая, и хитроватая, как танцы и все движения её. А дух был простой, совсем простой, не понимал ничего. Она его настоящее лицо видела, она могла к сути самого нашего леса прикоснуться, и она догадалась об этом, потому что умна была. Каждый вечер она сюда ходила и танцевала, изгибалась, подпрыгивала так, что все мы незримо собирались полюбоваться ею. И танцевала она, покуда тот самый дух к ней не приходил. Она у него всегда что-нибудь просила: то лёгкие башмачки, чтобы плясать было удобнее, то юбку, которая шуршала бы, как трава весной, и которой все завидовали бы, то свирель, чтобы с мелодией в танец пускаться... и всё это он ей отдавал, не успев помыслить, а правильное ли дело делает, потому что он любил её, как только духи любить умеют.

Анна вдруг погрузилась.

– А она ведь его... ни капли не любила, да?

Землерой всё смотрел в никуда пустым печальным взглядом, и ветерок колыхал его воротник.

– Понимаешь, он всё время к ней спускался, потому что не мог, никак не мог ни дня без неё прожить. И, пока он делал ей подарки, пока пила она его энергию, сохли и вяли листья на нашем дереве. Этот дух за листья отвечал, и был он одним из старших – уж кто-кто, а он точно головы бы не потерял, да ведь бывает же всякое! И вот... когда листья совсем иссохли, когда все мы готовы были на самые отчаянные шаги, когда надежда у нас умерла, а лишь страх пустой остался, он взял... и исчез. Пеплом рассыпался, с землёй смешался, ветер разметал его останки – повсюду он и нигде теперь, – Землерой вздохнул. – Люто разгневались наши духи. Весь лес переполошился. Маленькую танцовщицу никто из нас не хотел из лесу выпускать, где она нашего родственника сгубила. Наши маленькие речки из берегов вышли и взбунтовались. Наши животные обезумели и стали бросаться на неё. Сама земля холодела и трескалась под каждым её лёгким шагом. Она ни солнца, ни луны не взвидела, и жарко, и холодно ей было, её и кусали, и рвали, и пугали, и она бегала, совсем страшенькая и одинокая, везде о помощи взывала, да не помог никто – сама виновата была. Примчалась она сюда, к Перешейку, упала на колени и стала рыдать. Так горько она плакала, что даже у одной из речных хозяек сердце смягчилось, вышла она из воды и села с танцовщицей рядом. «Ну и к чему, – говорит, – зачем ты брата нашего сгубила, жестокая?» А танцовщица всё всхлипывала и вопила: «Не хотела! Не знала я! Я ведь только к лучшему хотела бы, чтобы всё обернулось!» И тут хозяйка спросила её ласково: «К лучшему – для кого? Посмотри-ка ты в водное зеркало. Кого ты там видишь?» Наклонилась танцовщица над ручьём, долго молчала, хмурилась, и слёзы на щеках у неё не просыхали. А потом она сказала: «Себя вижу». Хозяйка рассердилась, вскочила на ноги, схватила танцовщицу за волосы и закричала: «Что ж, любуйся на себя вечную вечность!» – и прыгнула в воду, и забрала с собой танцовщицу, и утопила её. Только не стала эта танцовщица духом, никогда не станет: крепко она согрешила, сильно всех прогневила своей самовлюблённостью и своим бессердечием. Витает она где-то над водами, далеко отлучиться не может, и видит в отражении она одну лишь себя, как всегда и видела прежде.

Анна прижала к груди руки. Землерой сидел, отвернувшись от неё, и пропускал травинки меж вытянутых пальцев.

– Вот что я тебе рассказать хотел, Анна, – промолвил он, – а ты всё путаешь меня да сбиваешь.

Анна вскочила, нервными потными руками отряхнула синюю юбку. Ничего она больше ему в тот день не сказала, и расстались они, не обменявшись ни словом – даже за руки не взялись.

А потом Анна вернулась домой, и во дворе сразу же заметила знакомую фигурку – скукоженная Мария дулась над крупой, и ветер мучил её уродливую соломенную шляпку, трепал испорченные поля. Анна бочком приблизилась к сестре и сгребла в пригоршни подол синей-синей юбки. Мария всё дулась на крупу.

– Эй, – негромко позвала Анна, – ты же меня слышишь, правда?

Мария супила брови и поджимала губы, но не отвечала. Анна тяжело вздохнула.

– Ну, коль не хочешь, не отвечай. Мне и не надо-то, чтобы ты со мной говорила, главное, чтобы ты меня слышала. Мария... я виновата, да. Обидела я тебя, и правильно ты делаешь, что злишься, я бы тоже злилась, но... но... Мария, ты, может... может, попробуешь всё-таки меня простить? Честное-пречестное, я себя так никогда-никогда больше вести не буду... а если буду, ты меня можешь и побить, и тоже обозвать, заслужила!

Мария медленно повернула голову. Коровьи глаза её удивлённо выкатились из орбит.

– Ты... ты что сейчас сказала?.. – протянула она неверяще.

Анна завозила носком в пыли.

– Извиняюсь! – сухо буркнула она. – Да ведь ты не слушаешь!

Мария, конечно, всё до последнего звука расслышала чётко – а ещё чётче это услышал Землерой, что сидел на верху раскидистого старого дерева, свесив ноги, и прищуренными глазами смотрел на светло-жёлтый, чётко очерченный величественный круг солнца.

Подарки

Стоял сухой и знойный август. Городским жителям всё не верилось, что лето почти обовалось – висит на ниточке, к концу которой подвешен грузик – осень. И вот-вот этот грузик должен был упасть: листья желтели и сохли быстрее, чем сменялась погода, и часто лили шумные и унылые дожди, в каждом звуке которых сквозили одиночество и обречённость. Тучи устало хмурились, солнце светило без прежней бодрости, и вся рыба покидала звенящие ручьи, тоже замутившиеся и похолодевшие.

Мария уехала в начале августа: сказала, что подыскала себе «комнатку», и ни мать Анны, ни отец словечка ей не сказали. У Марии с собой был толстый коричневый чемоданчик с морщинами на ремнях, сумка через плечо, пакет документов и извечная потрёпанная юбка, в которой не то что на люди – на огород стыдно было показаться. Мать и отец Анны сдержанно помахали ей, а мать Анны даже попросила быть осторожнее. Мария посмотрела на них серьёзными глазами, а, оборачиваясь, улыбнулась Анне, и Анна одарила её странной кривой улыбкой в ответ.

Не так суетливо ползали по рыхлой земле муравьи, сливались в рваные клочья облака, и между ними лился водопадом ярко-жёлтый свет на тёмно-коричневую землю. Ветер крепчал и взмётывал Анне подол синей-синей юбки, поэтому она юбку больше не надевала: слишком мёрзли колени, да и надоело ей вести войну с соседскими мальчишками, которые не упускали случая подшутить над её одеждой и кинуть в спину камушек. Анна бегала по лесу в длинных брюках, которые когда-то носила Мария, и колючие лапы кустарника да коварные стебли крапивы не разрезали ей ноги до крови. Родители Анны качали головами и плотнее сжимали губы. Приходила пора закупаться, – говорили они. Анна знала, что закупки ведутся ради неё, и нарочно сбегала подальше, где её точно никто не отыскал бы – к Землерою, к волшебному дереву.

Но и Землерой с приходом августа стал не такой, как прежде. Больше он не играл с Анной ни в прятки, ни в салочки; даже разговаривал он мало и, бывало, по три часа кряду просиживал на своём любимом высоком суку в задумчивой позе, подобрав под себя ноги и зажмурившись. Анне казалось даже, что он спит, но, конечно же, Землерой не спал.

– Я слушаю, – говорил он, стоило Анне спросить, чем же он занят. – Слушаю, что птицы и звери говорят, что умирающие листья шепчут.

– А что они шепчут?

– Да так, – глаза Землероя в эти дни были прозрачными и совсем грустными, – всякое помаленьку. Бывает, что полезное говорят, а бывает, такие глупости, зла на них не хватает. Но в основном они беспокоятся.

– О чём же?

– Тоже о всяком, – Землерою эта тема, кажется, вовсе не по нутру была, но Анна не могла от него отстать. Времени у них совсем мало оставалось; не могла она позволить Землерою вот так от неё уйти, снова разлучиться до самой зимы, и не перемолвиться ни словечком с ним. – Говорят, что с севера буйные ветры идут, всё на своём пути выстуживают. Зима у нас в краю лютая будет – ручьи до основания промёрзнут, вот рыбы и спешат к озеру – там поглубже, лёд не всё скуёт.

Анна ёжилась и обнимала собственные колени: август выдался печальным и холодным, куда холоднее всех прочих августов за последние лет восемь – не только Землерой, дедушка тоже ей об этом говорил.

– Деревья трещат, жалуются, – задумчиво продолжал Землерой. – У них уже все соки в коре замедляют бег, и корни напрягаются, чтобы в промёрзлой земле крошку питательного сыскать. Тяжёлое для нас это время – зима да осень, много забот, хоть и кажется, будто природа спит.

Анна молча смотрела в хмурую кучу облаков, нагромождённых одно на другое в причудливом беспорядке. Облака были тяжёлые и недружелюбные – совсем как зимой, когда собирается разразиться метель.

Землерой повернулся к ней и тоже поджал к груди колени. Он казался ещё бледнее обычного, и Анна клясться была готова, что видит под его грустными серыми глазами тяжёлые лиловатые мешки. Он вообще казался постаревшим, не выросшим, а постаревшим, скукожившимся, словно он питался соками, как дерево, и зима, топчущая за горизонтом ледяными сапогами, властной невидимой рукой замедляла ток этих соков по жилам.

– Ты ведь уедешь скоро, Анна, – негромко сказал Землерой и, не глядя, протянул руку, сорвал с веточки совсем молоденький лист, завертел его в пальцах.

Анне вдруг стало очень грустно и одиноко, словно она осталась одна-одинёшенька на целом свете – не только без Землероя, и без дедушки, и без мамы с папой, без Марии – совсем одна.

– Уеду, – она прижалась спиной к холодной шершавой коре, – учиться-то мне где-то надо. Мама с папой не хотят сюда переезжать: говорят, что в огромном городе меня большему научат.

– Вот как, – усмехнулся Землерой, – странные вы, люди. Учитесь годы, а не всю жизнь, а потом удивляетесь, что ничегошеньки толком не знаете.

– Да всё мы знаем! – возмутилась Анна. – Вон, например, на Луну слетали, и на Марс хотим слетать, и города построили, и дамбы, и плотины, и научились даже пользоваться солнечными батареями, и создавать вещи, которых в природе нет...

– Всё это – борьба с природой, не дружба, глупая, – фыркнул Землерой. – Всё это – попытки от неё оторваться. Вот оторвались вы уже так, что сами не знаете, кто вы такие – потому вам и грустно, потому и лезете вы вперёд, надеетесь, что увидите свет там, в конце своей тёмной тропки, но нет, нет его, этого света – только тупик, мрачный и холодный, ничего, кроме тупика. Мир меняется, Анна, а вы этого не видите. И хотите менять его так, чтобы он под вас подстраивался, был для вас удобным... неправильно это и ни к чему доброму не приведёт.

Анна молча смотрела на кончики своих ботинок – к подошвам и носкам их прилипла сухая трава.

– Лучше бы ты на прощание чего доброго сказал, – буркнула она, – а то на душе и так плохо, да ещё и ты пристаёшь со своими поучениями.

Землерой, казалось, обиделся.

– Я что думаю, то и говорю, – заявил он оскорблённым тоном. – У нас времена будут трудные, грустные, а ты от меня шутовства хочешь!

– Да не шутовства! – закричала Анна. – Ты бы хоть не сидел такой понурый! Ну неужели у тебя планов никаких нет, неужели ты мне не можешь рассказать, что осенью и зимой делать станешь, пока меня не будет?!

– Что делать буду, что делать буду, – зафыркал Землерой, – да вот что эти пятьдесят лет делал, то и в этот раз стану.

Анна сердито заёрзала по шершавому суку.

– Но ведь я-то не знаю, что ты обычно делаешь!

– Работаю духом, – Землерой лишь плечами пожал, – так и живу.

– Ну а поточнее?

Он перевёл на Анну грустный взгляд, вздохнул и отвернулся опять. Ветер застревал в его разлохматившихся волосах, и Анна уверена была, что сейчас, в свете увядающего, как сорванный жёлтый одуванчик, солнца его пряди отливают дымчатым серым светом.

– Корни совсем зачахнут, если с ними не разговаривать, – негромко промолвил Землерой, – если с птицами не общаться, не давать им и животным подкорм и приют какой, они захиреют, вымирать начнут. Пусть они и под чужим покровительством, ежели они сюда пришли, мы им обязаны помочь, чем сумеем. А я ещё только учусь, и учусь всему, вот и получается так: то веточки изнутри обогрей, то с кустарником побеседуй, то белке помощи спрятать запасы, то лису от охотника уведи, следы запутай... много дел у лесных духов осенью да зимой, но сил мало. Холод из нас всю живость выбивает. Мы ведь не как вы, – он протянул к Анне руку и вдруг отвёл, не дотронувшись, – Мы не из земли и праха, а из огня живого созданы, пусть и осквернённого, пусть и ошибившегося, да из огня всё-таки. Пусть нам тление не страшно, мы выюги и льда больше всего на этом свете боимся.

Анна тоже взглянула на серое, бесконечное, грустное и низкое небо. Листья ближе склонялись друг к другу, обмениваясь тревожным шёпотом: кажется, собирался дождь.

– А тебе самому зимой... холодно? – спросила она.

Землерой молча обхватил себя за плечи обеими руками и качнулся вперёд. На ресницах у него повисали, тут же обращаясь льдинками, первые капельки дождя.

– А ты сама-то как думаешь? – с усталой иронией в голосе поинтересовался он в ответ.

Анна насупилась. Двумя резкими движениями она стянула с шеи длинный толстый платок, в который её старательно кутала мать, скинула кофту и нависла над Землероем. Он только обернуться успел, а Анна уже решительно завязала платок на его шее, подбила узел под самый подбородок, набросила кофту ему на плечи и отступила. Полупрозрачные серые глаза Землероя смотрели на неё, широко приоткрывшиеся, и блестели непонятным стеклянным блеском. Анна отступила и прижалась спиной к древесному стволу. Не могла она скрыть искренней довольной усмешки, игравшей на устах.

– Ну и что теперь? – спросила она. – Язык проглотил, что ли, а, дух древесный?

Землерой неловко потрогал край платка. Вдруг пальцы его стали неуклюжими, как будто ватой их набили; они спотыкались и путались, словно бы прежде ему не приходилось ткани, вышедшей из-под человеческого рук, касаться.

– Эй, – промолвил он, – этого мне не надо, лучше сама забери...

– Вот ещё, – Анна отступила к краю сука и подбоченилась, – вот сразу видно, кто из нас – мальчишка, да ещё и невоспитанный. Подарки, Землерой, бестолковый, не возвращают, а берут и благодарят! У нас, у людей, так принято, или у вас иначе поступают?

Землерой медленно поднял голову.

– Духи подарков друг другу не делают, – сказал он.

– Значит, я тебе сделала, и ты отказываться не можешь, – настаивала Анна, – ну всё, бери, возвращать нельзя! Это тебе так... чтобы помнил ты меня, когда я зимой вернусь.

– Ты снова сюда зимой вернёшься? – пробормотал Землерой.

– Я сюда теперь каждые каникулы езжу, – гордо заявила Анна, – мама не может мне отказывать, когда я плачу, а папа вообще никому отказать не в состоянии, поэтому он на маме и женился. Словом, Землерой, ты тут не скучай и не забывай меня, главное, потому что я ещё не раз вернусь, а если ты меня за это время забудешь...

– Ты смотри, чтобы сама меня не забыла, – грустно усмехнулся Землерой, – память людская так же коротка, как короток и век людской. Возьми с собой мой клубочек и каждый день, что мы в разлуке, разматывай понемногу: так ты меня точно не забудешь.

– Да мне не надо ничего разматывать, чтобы тебя помнить! – Анна сердито топнула ногой. – Как-то же я тебя за этот год не позабыла? С чего сейчас должна?

– Многого ты, Анна, не понимаешь, но и не надо тебе понимать: счастья от этого всё равно не заимеешь, – промолвил Землерой и покачал головой. – Ты всё-таки сделай, как я прошу, и всё у нас будет ладно. А ещё вот что хотел тебе дать... руку разомкни.

Теперь у Землероя была совсем холодная, даже скользкая какая-то, рука, и Анна вздрагивала невольно, когда он касался её. Она зажмурилась и отвернулась, когда их пальцы соприкоснулись, а потом Землерой осторожно сомкнул ей ладонь, и поднявшийся сердитый ветер бросил выбившиеся из причёски пряди ей в лицо.

Анна аккуратно разжала кулак.

– Эй! – воскликнула она. – Это же просто... жёлудь!

– Ничего тебе он не «просто», – надулся Землерой, – на свете ничего «простого» нету. Вот сразу видно, кто из нас девчонка и человек...

– Какие мы важные, – шутливо забурчала Анна.

– Это не простой жёлудь, это твой личный жёлудь, – наставническим тоном продолжал Землерой, – когда он у тебя в ладони лежит, он, как лампочка, тебя согревает. Он, как фонарик, освещает тебе путь. Он только у тебя в руках будет сверкать всеми цветами, что ты знаешь, и одной тебе он в руки и дастся. Вот, сама посмотри...

Жёлудь в ладони Анны вдруг дрогнул, словно бы его что-то сотрясло изнутри, и сквозь толстую кожуру пробилось нежно-оранжевое сияние, рассыпающееся на мельчайшие остроугольные искорки. Анна затаила дыхание и даже привстала на цыпочки. Жёлудь качнулся влево, качнулся вправо – и из оранжевого стал ярко-красным, цвета подола материнского платья, которое надевалось исключительно по торжественным случаям.

– Ух ты... – зачарованно пробормотала Анна и сомкнула ладонь.

Мягкое сияние широкими полосами пробивалось между её пальцев и озаряло ей всю руку вплоть до локтя. Но, стоило Землерою кончиком пальца коснуться кожуры, как свет померк, и жёлудь снова стал жёлудем – обыкновенным, крепким, чуть тронутым необычной для августа прохладцей.

– А ещё он так делать будет? – с надеждой прошептала Анна.

– Будет, – милостиво улыбнулся Землерой, – пока вы друг с другом наедине. Только смотри, не потеряй его... и возвращайся к зиме. Возвращайся пораньше.

– Как приеду, сразу к тебе побегу! – пламенно пообещала Анна и прижала кулак со спрятанным жёлудем к груди. – А ты тут смотри... не скучай... понял?

Землерой только протянул ей руку и мягко подтолкнул в плечо.

– Беги уже.

И всю долгую, холодную ливневую осень после этого разговора Анна с Землероем не виделась.

Не всё на свете вечно

Гордая хозяйка

Снова поют птицы. Снова весело солнцу и весело небу. Снова крутятся в сизовато-голубом мареве тонкие серо-жемчужные струйки облаков. Звенят, перекрещиваясь и переплета-

ясь, водные потоки и сливаются в один большой ручей, скачут на остроугольных камушках, скатываются вниз.

Кажется, что не прошло и дня с тех пор, как появился и разросся могучий лес на городской окраине, кажется, что с тех пор совершенно ничего не успело поменяться. Пока стоишь на опушке, подняв повыше голову, глядишь только ввысь и только на самовозрождающуюся, величественно неизменную и разнообразную природу, можно в это и поверить.

А потом, когда взор обращается к лесной границе и сталкивается с городком, всё меняется. Становится гораздо яснее для взора то, что было от него скрыто прежде – в том числе становятся видны и печати, которые оставило прошедшее время.

Ни пятьдесят, ни сорок лет назад городок не был таким большим, и тут не шумели так, как шумят на застольях призраки предков. В городке цокали копытами усталые лошади, бродили прямо по улицам покинутые коровы с ленточками и колокольчиками на мощных толстых шеях, и в городке, бывало, встречались даже целые огромные участки – остатки полей и огородов, – которые сторожили кособокие чучела. В городке было тихо, и лишь дети и юноши с девушками своими извечными криками и вознёй вносили странноватое оживление в местную застывшую жизнь.

А потом, лет двадцать назад, грянула молния, перевернулся весь мир, страна, и даже этот маленький затерянный городок, который многие не могли решить именно городом поименовать на карте (а то и вовсе забывали его обозначить – словно такого города и не было никогда). Запыхтели на улицах машины, загудели клаксоны, и из окошек стали высовываться волосатые руки, сжатые в кулаки. Молодёжь исчезла с улиц: слишком узкими они стали для разгула больших и отчаянных надежд. С улиц исчезли и дети: у них появились другие игрушки, да их и рождалось теперь слишком мало. Люди бежали прочь, к центру страны, искали там счастья и бросали стариков медленно и уныло гаснуть в одиночестве.

Двадцать лет городок прозябал в забвении, а потом снова случился странный, необъяснимый переворот.

В город толпой хлынули люди, они застучали молотками, завизжали пилами, заговорили на чужом языке, зачесали в затылках, прикрытых касками. Люди сновали по строительным лесам, меняли асфальт на дорогах, сажали деревца и разбивали странной формы парки – люди не останавливались и всё шумели и работали, а коренные жители с непониманием смотрели на них и ждали худа: они привыкли только это и получать.

В центре города вознеслась к небу плоская крыша новой библиотеки, развернулись флаги с символом города. Старухи шептались:

– Сколько лет без него жили, а теперь, глядите-ка, понадобился!

И даже засверкали, отражая солнечный свет, крутые и гладкие стены кинотеатра. Удивительно, но вслед за кинотеатром появилась и молодёжь: откуда только? С рожками мороженого и сладкой ваты в руках, с билетами в карманах они смиренно ждали своей очереди на алой потрёпанной дорожке из износившегося полинявшего ковра.

Так расцветал и менялся город, а лес оставался таким же, каким и был десятилетия назад.

Анна бежала по узким звериным тропкам. Сверкала в шафранных лучах короткая синяя юбочка, нестерпимо синяя. Анна то одним боком поворачивалась, то другим, и ни одна колючка не вцепилась в неё, ни один репейник не ужалил. Она давно уже бегала этой дорожкой и знала, как ей себя держать.

Поднырнула под длинную и крепкую ветку, чуть не стукнувшись лбом, быстро пробежала вверх по пригорку, сложившись пополам, а потом нырнула в глубокое травяное озеро, и стебельки защекотали её у края юбки, ненавязчиво, но искушающе. Анна рассмеялась, одёрнула юбку и выскочила на новый пригорок. Она покрутилась так, избегая падения в заросли сердитых колючек, а потом поднялась на носки, точно балерина на сцене, раскрутилась и перепрыгнула точно на низкую кривую ветку. Зашумела и закачалась ветка, и листья затрещали,

когда Анна стала раздвигать их рукой. Она проползла по ветке, натирая кожу о грубую кору, быстро скатилась вниз, тут же вскочила и отряхнула запылившиеся колени. Из корзинки, что она примотала к бедру, высыпались в трещины на земле несколько ярких ягодок-бусинок. Анна вскрикнула.

– Эй, да что ж это такое!

Кинулась она ягоды собрать, но муравьи вдруг заполонили трещины, словно из ниоткуда взялись, чёрным облаком, и утащили все разбежавшиеся ягоды. Анна горестно осела на землю.

– Нет, – она сердито растрепала себе волосы. – нет, вот это вот совсем не честно! Эй, дух! Я не знаю, как тебя зовут, но я тебя не боюсь... и ссориться с тобой мне тоже неохота. Все эти ягоды я собрала не для себя, слышал? Не для себя, а для Землероя, так что верни-ка мне их-подобру-поздорову, не то пожалуюсь ему на тебя!

Ветер зашептал в густом сплетении листьев:

– А неужели же думаешь ты, Анна, маленькая глупая Анна, что я боюсь твоего Землероя?

– Он за корнями самого главного здешнего дерева здесь ухаживает, – Анна задрала голову к небу, – а ты – только с муравьями играешься. Так что давай, возвращай мне мои ягоды!

– Землерою пожалуешься? – расхохотался дух. – Глупая девочка... думаешь, что знаешь наш лес, но лес этот для тебя – загадка, место это для тебя – чужое, никогда тебе не прижиться, не свыкнуться. Как же ты Землерою пожалуешься, если я тебя запутаю, дороги у тебя под ногами искривлю, если деревья с корнями из земли выйдут и местами поменяются прежде, чем ты заметишь успеешь?

Анна поджала губы и запустила руку в корзинку.

– А ну, давай, – дерзко воскликнула она и вскинула повыше белый от напряжения кулак со всеми отчётливо видными косточками и венками. – Давай, попробуй только, приблизься ко мне! Не сможешь, пока у меня клубок есть и пока я подпоясана! – Анна резво закрутила красную шерстяную полоску кругом талии и подбоченилась. Свирепый ледяной ветер ревел ей в лицо, но улыбка её не вяла. – Что ты мне сделаешь, дух лесной? Покуда я подпоясана, не можешь ты мне навредить! А станешь пробовать – точно Землерою скажу! Ты меня не обманешь, пока на мне пояс, я до его дерева доберусь и покричу ему – он-то услышит! Так что давай, не старайся меня обыграть, отдавай мои для него ягодки, и не будем больше ссориться.

Пыхнул злым холодом ветер в лицо Анне, сорвались с веточек дрожащие широкие листья и рванулись прямо к глазам её острыми кромками. Но Анна вскинула руки, и ничего плохого с нею не случилось. Свирепый кусачий ветер ещё кружился около неё с пару мгновений, точно танец дикий отплясывал, и слышала она, как скрипучим полумёртвым голосом выпевает незримый недоброжелатель отчаянные угрозы. Да только не вяла улыбка на устах Анны, и взор её сверкал прежней бойкостью. Она ту же затянула пояс и протянула корзинку.

Стих суровый ледяной ветер, замерли беспокойные древесные кроны и беспорядочные купы кустов. Всё застыло, и снова широкий луч солнца лентой улёгся на землю под её ногами. Анна ткнула корзинкой в воздух, сухо стукнулись плетёные бока о старую мшистую кору.

– Эй! – требовательно повторила она. – Чего ты исчез?

Дух не ответил. Муравьи тоже не вернулись, и ни одну ягодку из рассыпавшихся она кругом себя не нашла. Анна повертелась из стороны в сторону, по-старушечьи причитая, а затем вскинула голову, набрала побольше воздуха в грудь и топнула ногой.

– Ну ладно, – сказала она упрямо, – не хочешь жить мирно, значит, всё Землерою расскажу. Пойдём, клубочек!

И комочек алой толстой шерсти покатился по извилистой узкой тропке, указывая ей путь. Анна совсем немного прошла – меньше двух минут, наверное, – и вот засверкало перед ней озарённое золотистым сиянием дерево, что было окружено высокой шёлковой травой. Анна шагнула вперёд и позвала:

– Землерой! Я к тебе пришла!

– Да уж издали тебя слышал.

Тёплый ветерок дунул ей в спину, и Анна резво выставила назад руку. Точно, позади неё стоял Землерой – давно научилась она на ощупь его узнавать. За эти три года они много раз успели сыграть в прятки, в догонялки и во множество других игр, и Анне не раз приходилось хвататься за Землероя и с завязанными глазами его искать посреди мрака.

Она обернулась. Землерой стоял напротив, насупившись и скрестив под грудью руки, его взор был мрачным и упрямым. Казалось, из серых глаз его пропали и доброта, и понимание.

– Чего ты сам не свой? – удивилась Анна и отшатнулась, выставляя перед собой корзинку. – Я специально с утра пораньше к тебе пошла, чтобы, знаешь, подольше вместе побыть, я тебе и ягод по дороге насобираю, всяких ягод, да вот только... один дух у меня половину украл. Я ему грозила, и ругаться с ним пыталась, да ничего он мне не вернул, всё своим муравьям отдал, жадина.

Землерой покачал головой и долгий вздох испустил.

– И вот что мне с тобой делать, а, глупая ты девчонка? Ну не говорил ли я тебе, чтобы ты с другими духами не общалась? Не нравится им, что ты ко мне ходишь.

– Да он первый начал! – воскликнула Анна. – Какое им вообще дело, хожу я к тебе, не хожу, я ведь ничего плохого не делаю, мы тут просто играем...

Землерой снова покачал белоснежной головой.

– Анна, – голос его вдруг зазвучал очень серьёзно, – помнишь, я тебе о маленькой танцовщице рассказывал?

– Ну, – набычилась Анна.

– Ну вот духи боятся, что повторится эта история. Пусть я пока только учусь, корни – это вещь очень важная. Она весь лес подпитывает и держит. Если кто-то из духов, которые за корнями ходят, исчезнет, тут каждому, вплоть до самой последней травинки, до самой ничтожной былинки, туго придётся.

Анна упрямо прикусила губу.

– Но ведь я-то не маленькая танцовщица, – резко сказала она, – я с тобой дружу и обманывать не буду.

– А другие духи об этом не знают, Анна, – грустно промолвил Землерой.

– Вот о лесе вы что-то всё знаете, о чём ни спроси, а о людях – так и самой ничтожной капелюсечки не расскажете! – Анна топнула ногой. – А если пристанешь – так только плохое и вывалите.

– Но ведь мы одно лишь плохое и видели, Анна, – Землерой не отступался. – Да и невозможно это – всё на свете знать. Будешь слишком много ведать – жить не захочешь!

– Это ещё почему?

– Потому что слишком много беззакония, несправедливости и неправды тебе откроется, – Землерой отступил на шаг назад и опустил голову. – И увидишь, что никак это не искореняется, а лишь из года в год повторяется снова. Как тут не отчаяться, Анна?

– Не отчаяться... если не только плохое замечать, но и хорошее, – сказала она, – ведь хорошее тоже повторяется, как его ни пытаются принизить и уничтожить. Значит, положено, чтобы ровно столько добра было и ровно столько – худого. Вот и всё.

– У тебя всё уж слишком просто решается, – вздохнул Землерой.

– Потому что всё сложное можно разложить по простым-простеньким кусочкам, как мозаику, которую хочешь собрать заново, – Анна пожалала плечами и скрестила руки за головой. Солнце слепило её, и трава шёлковым шумом отзывалась на каждое ласкающее касание сильного ветра. – Ты уж больно мрачный сегодня, Землерой! Ты даже зимой таким никогда не был!

– Ну а что мне, в танец пуститься? – сердито спросил он и отступил на пару шагов. – Ты ведь духов обидела, Анна, и тебе помириться с ними надо, прощения выпросить, не то быть худому!

Анна мрачно цокнула языком.

– Не хочу и не буду я с ними мириться, – отчеканила она, – я ничего дурного не сделала и ни в чём не виновата.

– Ты законы наши нарушила и ещё свои условия выставлять будешь? Хамишь ты, Анна!

– Я никому не хамила! – Анна яростно затопала ногами. – И извиняться я не буду! Что они мне сделают, пока я подпоясанная и с твоим клубком по лесу хожу, а?

Землерой стоял к ней спиной, сердито ссутулившись.

– Ничего-то они тебе сделать не смогут, конечно, – сказал он, – но ты только думаешь, что пояс и клубок тебя от всего на свете защищают. Духи не могут ударить или убить тебя, и ты многие фокусы их насквозь видишь, но они обманывать мастера. Как отличишь ты одну тропинку от другой, если у тебя отберут твой клубочек? Его-то не подпоясаешь, не защитишь никак, не то он всю свою силу потеряет. И пойдёшь не по той тропинке, набредёшь на глубокое болото и увязнешь. А болотный хозяин тебе помогать не обязан; у вас с ним никакого уговору не было...

Плечи Анны дрогнули.

– Что ты мне сказки страшные рассказываешь, сказочник? – взвизгнула она.

– Не сказки я рассказываю, а предупреждаю тебя, Анна, чтобы береглась ты и слушала мои советы, – глухо проговорил Землерой. – Анна, повинись перед духом, не навлекай вины на свою голову.

Анна вдруг вся передёрнулась, как будто прутком прошлись по её спине, круто развернулась и подбежала к Землерою. В глазах у неё стояли слёзы.

– Но ведь я не знаю, какого именно обидела! – прокричала она и ткнулась лицом Землерою в плечо. Серебристо-серые полупрозрачные глаза его вдруг потемнели, расширились, и он отступил назад на шаг.

– Анна...

– Я правда, честное-честное, не знаю, он не представился! – захлёбывалась слезами Анна. – Просто... я разозлилась... я тебе хотела приятное сделать, а он, дурак, всё перепортил, и теперь ещё портит, дурак, дурак!

Землерой аккуратно приподнял руку. Солнечные лучики словно смеялись над ним, высвечивая десятками ярких искорок контуры его трясущихся пальцев. Землерой метнул взгляд налево: там мирно шумела и раскачивалась плотная кучка широких древесных листьев. Землерой украдкой глянул вправо – там, усевшись у бугристых корней, которые так и рвались из-под земли, сидела, прядая ушами, крольчиха. Землерой нахмурился и одними губами шепнул ей:

– Кыш!

Крольчиха дрогнула всем пушистым толстым телом, резво опустила на четыре короткие лапки и, перепрыгнув через корень, рванула прочь. Она проломила собой плотную стену из кустов, пошуршала в траве ещё немного – и затем всё стихло.

Землерой перевёл дыхание. Пусть и не было видно нижней части его лица, не удалось бы ему скрыть, что он покраснел, что он замер и вдруг задрожал ещё отчётливее, когда всё-таки решился и, подняв руку ещё выше, стремительно опустил её Анне на спину и впутал пальцы ей в волосы.

– Эй! – недовольно воскликнула Анна. – Ты... что, подрачься удумал?

– Нет! – вскрикнул Землерой и увереннее стал перебирать ей волосы. – Я... я просто... Анна... ты не переживай и не волнуйся так. Помогу я тебе этого духа найти, вместе мы к нему пойдём и повинимся.

– Да ведь ты не виноват ни в чём, – сказала Анна и ненавязчиво прижала Землерою к себе, прижмуриваясь.

– Ну, – Землерой старался сохранять глубокомысленный вид, – вот уж это неправда. Если бы не я, ты бы сюда не ходила, если бы ты сюда не ходила, то духа не обидела бы. Оба мы перед ним виноваты и оба повинимся.

– А как мы узнаем, перед кем надо? – прошептала Анна.

– Ты не сумеешь, – покачал головой Землерой, – но не волнуйся, я и без тебя управлюсь.

– Постой...

Землерой выпутался из её рук, отступил на парочку шагов назад и напрямик в траву уселся. Он скрестил ноги и глаза закрыл – казалось, ничего не сделал больше, – но тут его озарил яркий солнечный луч, и ветви дерева закачались над его головой. Анна раскрыла рот: на его плечи садились птицы, и в траве что-то шуршало, поднимая волны, что стекались к нему. Анна дрожащей рукой раздвинула стебли – и в самом деле, к Землерою бежали, спотыкаясь, мелкие муравейчики, ползли, извиваясь и неуклюже приподнимая над землёй розовые бугорки тел, червячки, скакали опрометью белки и прытко неслись кузнечики. Бабочки и пчёлы, древооточцы и многие другие собирались кругом него, садились к нему на плечи и на колени. Уже через мгновение Землерой весь оказался покрыт этой упорно шевелящейся массой, и стал он остовом, облюбованным лесным населением. Анна зажала рот руками. Землерой что-то тихо сказал, и шевелящаяся куча вдруг разлетелась на комочки. Пошлёпались в траву черви и муравьи, закачались в своих ловчих сетях пауки, взобрались на дерево белки, умчались в небо бабочки и пчёлы. Землерой открыл глаза, поднялся и землю с колен отряхнул.

– Что ж, – сказал он без улыбки в тихом голосе, – умеешь же ты, Анна, на свою голову найти переделку! Прогневила ты Дароносицу, которая всеми духами, что о муравьях пекутся, повелевает.

Анна пискнула.

– Ой, это плохо?!

– Куда как, – мрачно ответил Землерой. – Но ты не бойся. Пойдём со мной на её земли, прощения попросим. Только ты крепко держись за мою руку и по сторонам не засматривайся. Отойдёшь от меня – миг заплутаешь и погибнешь, и клубочек тебе не поможет!

Анна дрогнула и, опустив взор, медленно протянула Землерою трясущуюся руку.

– Только ты сам... – шепнула она, – ты сам смотри меня не выпусти!

В закатных лучах, когда гаснет день...

Анна и Землерой шагали по лесу, держась за руки. Ещё светло было, но даже робкие и тонкие лучики солнца не пробивались сквозь плотный свод из листьев и крепко переплетённых древесных ветвей. Не было слышно ни звука, даже тех, какие издают животные – только дыхание и сердцебиение Анны. Не шуршали мох и сухая земля под их ногами; редкие травинки и тощие былинки колыхались, но не звучали, и паук, и пойманная им муха примолкли и затихли, пока Анна и Землерой, всё держась за руки, не поднялись на три пригорка и не скрылись за ними же. Тогда солнце вдруг засияло, тогда же по деревьям деловито забегали белки, и муха безуспешно забила в коварных сетях своего палача.

Анна и Землерой шагали всё дальше. Где-то вдаль ухал ветер, путающийся в листве и между низких сучьев. Совсем темно стало кругом них, и Анне казалось, будто ступает она под плотным мглистым плащом. Она цеплялась за сильную руку Землероя, под её ногами перекачивались комочки совсем ссохшейся и отвердевшей почвы.

– Ты почему такой спокойный? – сипло шепнула она.

Землерой не смотрел на неё; отвернул в сторону голову, и его слишком светлая кожа, казалось, сияла во мраке. Анна медленно занесла свободную руку и протянула к нему ладонь со всеми растопыренными пальцами. Землерой никак не отреагировал.

– Эй, – шёпотом повторила Анна.

Землерой широкими шагами двигался по чуждой, неприветливой лесной земле. Молчание осталось у них за спинами, погребённое и надёжно спрятанное за тремя горбатыми при-

горками, и там же остались широкие лучи солнца, и там же остались бушующие звери. Здесь лес не молчал: он выл пастями голодных волков. Анна сглотнула комок, встрявший в горле.

Лес предупреждал: он свистел ветром да шумел листьями. Сверху одна за другой сыпались плотные, жилами покрытые яркие пластинки. Анна дрожала: листья щекотали её лицо, острыми кромками взрезали кожу – не так, чтобы опасно, но больно, и она видела, как на пальцах её, касающихся порой щёк, застывают капельки крови.

Лес злился: он шумел топотом копыт величавых лосей, что уносились от них прочь скачками. То тут, то там за толстыми мощными столпами древних деревьев мелькали тёмные гигантские треугольники, окутанные сизоватой дымчатой вуалью.

Лес судачил: стрекотали белки, взбирающиеся по стволам, шуршали жуки, недовольно копошились в муравейниках муравьи, зло тьякали вдалеке лисы, и каждый звук, что вырывался из их глоток, отдавал низкими зловещими нотками, сливался в глухой непрерывный бой – бой барабана, который предвещает осуждённому скорое восхождение на эшафот. Анна всё крепче цеплялась за руку Землероя, жалась к нему и путалась в шагах. Под ногами у неё перекатывались сухие орешки с толстой кожурой, муравьи беззастенчиво вползали до её коленей и падали потом на землю. Анна прижимала свободную руку к губам и так их кусала, что кровь выступала и из них.

Темнота напознала на лес, как плащ, как неумолимая ледяная глыба. Под глухой рокошущий стук звериных пересудов, под треск сучьев и сухой почвы Анна шагала во мрак.

– Ай! – закричала она.

Слева вспыхнули, как десятки фонариков, чьи-то круглые, голодные, гигантские жёлтые глаза.

– Не бойся, – твёрдым голосом сказала Землерой и крепче сжал её локоть, – я с тобой.

Жёлтые глаза-фонари неотрывно следили за нею, и в каждом глазе таилось копьё. Анна неуклюже семенила вперёд. Наверное, не было сейчас на свете подпорки более мягкой и ненадёжной, чем её собственные ноги: звук, всплеск света, слишком неожиданный неровный удар сердца – только одного явления из списка хватило бы, дабы она упала ниц. Влажный запах мха, плесени, клюквы, странного и лишнего здесь уксуса пропитывал землю, листья, стволы. Анна шагала вперёд. Пальцы её, державшиеся за локоть Землероя, совсем побледнели и потеряли чувствительность.

Землерой двигался мягко – словно над землёй парил, не касаясь её. Свободной рукой он то и дело аккуратно раздвигал низко повисшие лапы деревьев. Листья, когда касались Анны невзначай, взрезали её кожу, и они путались в волосах у неё, и непонятная золотисто-серая пыль повисала у неё перед глазами и забивалась в нос, неприятно щекотала его до слёз перед глазами – но Анна не могла чихнуть, только беззвучно плакала и крепче держалась за руку Землероя. Тонкий и тяжёлый плащ загадочной темноты безудержно наваливался на них и всё норовил застегнуть у самого горла тугую застёжку, совсем перебить дыхание. Анна вывалила язык – сдалась, и тут же в язык её вонзилось с писком тонкое длинное жало комара.

Анна споткнулась – и Землерой опять подхватил её. Они спустились с самого высокого пригорка, где ещё слабо дотлевали остатки солнечного света, как угольки от брошенного людьми костра, в пологую широкую долину. Над землёй долины клубился черновато-коричневый густой туман; ноги в нём тонули, не было видно, что же таится на расстоянии вытянутой руки, засев в глубине загадочной чащи. Всё снова смолкло, и сердце Анны тяжело забило в груди, переполненное страхом и кипучей кровью.

– Не бойся, – тихо сказал Землерой. – Мы пришли.

Его рука и особенно – его белые, неестественно светлые волосы казались ей неправильно яркими, как путеводная звезда, маячок, странный проблеск. Землерой шагнул в самый центр клубящегося мрака, и Анна ахнула и отчаянно прильнула к нему. Пусть и чувствовала она

твёрдость руки Землероя, грубость короткого рукава его простой рубашки, не могла она ощутить биения его сердца и его дыхания, как ни жалась бы она к нему.

Землерой вытянул руку и провёл указательным пальцем по глубокой, неровной борозде. Это морщина была, прорезавшая грубую и жёсткую древнюю кору дряхлого дерева. Дерево возвышалось в самом центре долины, как царь возвышается на своём троне, и оно было совсем не таким, как дерево Землероя и его семьи.

В высоту это дерево было меньше, хоть и превосходило все, какие Анна видела прежде. Его ствол поднимался к небу, закручиваясь, точно штопор, постепенно утончался, и корявые сучья, как чьи-то покореженные руки, вздымались к небу – в мольбе или в проклятье, не скажешь точно. Кора у дерева была чёрная, словно обожжённая, и было оно почти лишено зелёной кроны. То тут, то там трепетали жалкими островками несколько листочков и жались друг к другу изо всех сил, чтобы не унёс их злой ветер.

А ветер и впрямь был зол. У Анны слёзы на глазах выступили: он нещадно хлестал её по лицу, словно она провинилась в чём перед ним, и забивался ей в уши, и звенел, как надоедливый комар, и никак было от него не скрыться и не спрятаться. Другие деревья, куда меньше главного исполина, стояли заметно поодаль и дрожали на ветру, кутаясь в свои пышные кроны.

Земля здесь была сухая и почти такая же чёрная, вся покрытая трещинами, как шрамами. Анна закачалась и чуть было не свалилась снова: увидела она бесчисленные толстые ряды жучков и муравьёв, деловито снующих туда-сюда, сталкивающихся друг с другом, взмахивающих мохнатыми лапками и полупрозрачными крылышками, что выползали из-под крепких и надёжных верхних жёстких крыльев с блеском эмали. Под самым главным деревом, между двух бугров его корней, которые так и рвались высунуться хотя бы чуть-чуть наружу, возвышался гигантский – Анне до пояса – муравейник с красноватой верхушкой, и по всему этому муравейнику ползали со своей обычной торопливой деловитостью муравьи.

– Не смотри туда! – дёрнул её за локоть Землерой. – Ты не к ним пришла. Ты с извинениями сюда пожаловала, или ты забыла?!

Анна всё не могла отвести взгляда от муравейника. Коленки её дрожали.

– Зем... Землеро-ой, – провыла она, – Землерой, миленький, мне страшно! Они такие...

– А ну молчи! – и Землерой тут же закрыл ей рот свободной рукой, надавливая с такой злостью, что она даже не стала отбиваться и замерла, потрясённая. – Дароносица терпеть не может, когда ей деток кто обижает, и, думаю, ты уж поймёшь, ты сама женщина.

Анна только слабо пискнула и покачала головой.

Землерой медленно убрал ладонь от её губ и снова провёл пальцем по мшистой и твёрдой, почти безжизненной на вид коре.

– Ты Дароносицу сильно прогневила, – шёпотом сказал он, – не видал я прежде здесь таких злых туманов.

– А исправиться-то как? – тоненьким голоском пискнула Анна и попяtilась: длинная муравьиная шеренга бросилась на разведку совсем рядом с её ботинком.

– Да не мешай ты, я думаю, – сварливо перебил её Землерой и два пальца ко лбу прижал. Он распахнул вдруг глаза, и они засветились странным ярким серебристым светом, что облил кору, как слоем краски. – Клади свою руку на мою.

Анна неловко подошла ближе – боком, не прекращая косить глазом на муравьёв. Землерой вздёрнул верхнюю губу и прошипел:

– Клади давай!

Анна дрогнула и тотчас сделала, как он велел. Не могла она отделаться от странной и жуткой мыслишки: неужели именно длинные и изогнутые клыки увидела она сейчас у него во рту, когда он зашипел на неё? Анна неловко шлёпнула раскрытую ладонь поверх ладони Землероя, и из всех многочисленных глубоких морщин, покрывших и изрезавших старое дерево, во все стороны рванули мелкие чёрные жучки. Анна затряслась и застонала, сунула в рот боль-

шой палец и отчаянно стала грызть ноготь. Но руку она не отняла, и Землерой покровительственно кивнул ей, точно подбадривая.

– Я с тобой, Анна, – негромко повторил он, и Анна всхлипнула. На глазах у неё проступали слёзы.

Землерой закрыл глаза и отвернулся. Безжалостный сильный ветер трепал ему волосы и сминал неаккуратный воротник, срывал с кожи сияние. Анна тоже зажмурилась. Ветер свистел и выл у неё в ушах, как будто проклиная, и казалось ей, что она даже слышит отдельные слова, произносимые нечеловеческим, низким злобным голосом. Мурашки побежали у неё по коже, и она сдавила изо всех сил пальцы Землероя.

– Не бойся, Анна, – повторил он, и Анна уверена была, что даже тогда он не приоткрыл глаз и не отшатнулся.

– Но мне страшно! Я вообще не понимаю, что мы делаем!

– Прощения просим! – сварливо буркнул Землерой. Он вдруг протяжно вздохнул, и пробила в его голосе нотка усталости. – Ладно, хорошо, не понимаешь ничего, давай делать так, чтобы тебе было понятно... Это ты же извиняться должна, конечно... вот Дароносица и злится.

Анна завывала, отчаянно мотая головой. Сколько времени ни знали они с Землероем друг друга, а она никак не могла научиться его понимать.

– Открой глаза, Анна, – приказал он жёстким голосом, – и говори со мной вместе.

– Что, что говорить?

– Просто повторяй! – и Землерой вдруг смягчился. Почти нежным тоном он почти попросил: – Пожалуйста, Анна, не страшись так. У нас всё получится.

И Анна ему поверила.

– О, великая Дароносица, – заговорил он внушительным звонким речитативом, и свирепый вой ветра тут же стал тонким, лютым, как вой голодных волков, – мощная Дароносица, хозяйка почв и всех насекомых...

– О, великая Дароносица, – старательно бормотала вслед за ним Анна, и её онемевшие от холода искусанные губы с трудом раскрывались, и язык еле-еле ворочался во рту.

– Мы тебя обидели, жестоко оскорбили, – продолжил Землерой.

Пучок старых листьев, дрожавший на самой верхушке перекрученного дерева, вдруг застонал, и вся ветка, на которой он сидел, переломилась и обрушилась вниз – Анне, что и пикнуть от ужаса не успела, на голову. Землерой обхватил её свободной рукой и прижал к себе вплотную, и ветка разбилась о землю напололам там, где ещё совсем недавно Анна стояла. Листья тут же изорвал в клочья обезумевший ледяной ветер.

– Мы тебя обидели, – еле выдавила из себя Анна, – жестоко оскорбили...

Землерой закрыл её свободной рукой и продолжил, плотнее переплетая их пальцы:

– Но не со зла мы это сделали, а по неведению, по детской глупости.

Муравьи под ногами Анны зашевелились, красноватая шишечка на самой вершине муравейника вдруг разлетелась на комья, и целая черновато-коричневая орда, быстро орудуя тонкими лапками, рванулась прочь и облепила ноги Анны и Землероя так, что не стало видно даже клочков одежды. Анна подавилась визгом. Тонким рвущимся голосом, со слезами на глазах она продолжила:

– ... не со зла мы это сделали...

– Ты, та, кто знает, что быть Матерью, – звонко воскликнул Землерой и высоко поднял голову, – ужели не простишь ребёнка? Ты, та, кто так печётся о своих родственниках, кто славна своим великодушием, ужели не прислушаешься?

– Ужели не прислушаешься? – печальным эхом отозвалась Анна.

Муравьи всё выше и выше заползали по её ногам, уже почти достигла шевелящаяся мерзкая масса колен. Землерой не отводил взора от перекрученного, как штопор, чёрного древесного ствола.

– Все мы грешны, Дароносица, – промолвил он мягко, – и мы с тобой – грешней той, кого ты невзлюбила. Не вошла бы она в этот лес, не оскорбила бы тебя...

Анна умолкла. Пальцы Землероя крепко сжимали её пальцы, и она видела, как сияют хрустальным серым светом его широко раскрытые глаза. Казалось, будто он видел в дереве нечто, недоступное её взору, и говорил с тем, что сидело внутри.

– И не знала бы ты о ней, Дароносица, вовсе, – тихо сказал Землерой, и светящиеся глаза его вдруг наполовину прикрылись, – если бы не я. Мы с Анной повсюду в этом лесу – единое целое. Хочешь казнить – казни обоих. Хочешь помиловать – смилуйся над нами! И не серчай на нас, госпожа Дароносица. Мы тебя оскорбили, задели, принизили, велика наша вина. Но долг платежом красен. Госпожа Дароносица... Анна – человек, не только в нашем лесу бывает. Анна – человек. Многие люди придумали. И Анна подарками загладит свою вину. Только явись нам, Дароносица, определи свою дань! Почтим мы тебя двукратно от того.

Ветер улёгся. Совсем недавно он, как олютевший в зиму волк, свистел, шипел и выл кругом них, и вдруг совсем умолк, точно бы и не было его никогда. Прекратили шуметь листья, и муравьи и жучки неожиданно поползли прочь, вниз. Анна моргнула – и в следующий миг все они уже попрятались в многочисленных ходиках дырочками, в глубоких и извилистых морщинах древа-матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.